

Т.И. Вендина

Типология восточнославянских ареалов¹

Изучение ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы – проблемы славянского этногенеза сопряжено с такой объективной трудностью, как **отсутствие надежной фактографической лингвогеографической базы**. Между тем «наукудвигают вперед... не общие теории, а факты, накопление фактов. Мы стремимся сосредоточиться на изучении последних, не оставляя, впрочем, надежды, что совокупное или достаточно однозначное свидетельство фактов найдет отражение и в формулировке общих идей и теорий, без которых также невозможен научный прогресс» (Трубачев 2003: 453).

В этой связи бесценным источником новых фактов и новых возможностей является Общеславянский лингвистический атлас, позволяющий локализовать межъязыковые связи и оценить их с ареальной точки зрения. Исследование славянского диалектного континуума с учетом всех микрозон его лингвистического пространства позволяет **создать принципиально новую фактографическую базу** для решения проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах. При этом чрезвычайно важным является не просто каталогизация фактов, а установление объективных связей и отношений между ними. Иначе говоря, ценность фактов не в их количестве, а в их организации и взаимосвязи. Благодаря этим связям и отношениям становится возможным переход от одного факта к другому, объяснение одного факта на основе других. А это значит, что становится возможным не только реконструкция тех или иных языковых явлений, но и прогнозирование тенденций их развития. Только так мы можем выявить закономерности, существующие в этом море фактов, и подойти к их объяснению. Эта задача продиктована современным уровнем развития славянской лингвистической географии, когда все очевиднее становится необходимость перехода от эмпирических наблюдений над диалектным материалом, т.е. от простой констатации соответствий отдельных элементов и структур к типологической интерпретации этих явлений. Понятно, что для такого рода исследований необходим большой полевой материал, и этот материал дает Общеславянский лингвистический атлас.

Публикация Общеславянского лингвистического атласа сделала решение этой задачи вполне реальной, ибо Атлас предоставил исследователям уникальную возможность рассмотреть любые славянские диалекты в общеславянском контексте, изучить их как составную часть славянского диалектного континуума в их взаимоотношении с другими диалектами *terra Slavia*.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российской гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-00011а).

Благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу мы можем сегодня говорить и о типологии ареалов, и о той роли, которую сыграл каждый славянский язык в формировании славянской языковой общности.

Следует, однако, сказать, что увидеть и оценить ареалы тех или иных лексем или фонетических явлений оказалось значительно проще, чем **интерпретировать эти ареалы**. Эта задача сопряжена с кропотливым трудом, связанным с рекартографированием материала, представленного на карте, проверкой его по этимологическим и историческим словарям, разработкой методологии интерпретации ареалов, методологии, которая, к сожалению, пока еще отсутствует.

Думается, однако, что с выходом новых томов Атласа будет постепенно расширяться исследовательская и фактографическая база, что создаст надежную основу для разработки методов генетической и ареально-типологической интерпретации межславянских диалектных связей.

В настоящей статье была предпринята попытка оценить **восточнославянские ареалы с типологической точки зрения**. Как представляется, это позволит ответить на следующие принципиально важные для лингвистической географии вопросы:

- 1) влияет ли пространство, в котором существует тот или иной ареал, на его тип?
- 2) существует ли связь между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования.

Материалом для исследования послужили карты последних томов Общеславянского лингвистического атласа фонетико-грамматической и лексико-словообразовательной серии, а именно «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (т. 6), «Человек» (т. 9), «Рефлексы *о» (т. 5), «Рефлексы *е» (т. 6), которые в отличие от предшествующих томов Атласа располагают материалом всей Славии, включая болгарские диалекты, которые, как известно, долгое время отсутствовали на картах Атласа.

* * *

Лингвогеографический анализ восточнославянских ареалов свидетельствует о том, что они имеют разный типологический статус и соответственно разный классификационный вес, если их рассматривать в общеславянском контексте.

Для определения статуса каждого ареала в плане его хронологической интерпретации чрезвычайно важным является пространственный контекст, в котором он существует, так как один и тот же ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию. Так, например, системный восточнославянский ареал в общеславянском контексте может служить иллюстрацией праславянских языковых связей, а в западнославянском контексте – позднепраславянских; или островной характер восточнославян-

ского ареала в общеславянском контексте может быть доказательством праславянского архаизма, а в западнославянском контексте – поздних междиалектных контактов.

При характеристике ареала типологически значимыми являются такие признаки, как тип ареала (являются ли ареалы дистантными или контактными), его локализация, т.е. находятся ли ареалы в трех славянских языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной или в восточной и южной) или только в одной – восточной группе, что имеет значение при хронологической стратификации материала, качественная характеристика ареала – обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дискретным). Все это является важным, поскольку конфигурация ареала, его размер, плотность и континуальность могут свидетельствовать об архаичности или инновационности картографируемого явления.

При этом на картах Атласа представлено множество ареальных сценариев, в которых участвуют восточнославянские диалекты. Для того, чтобы их «прочесть», мы рассмотрели восточнославянские диалекты в разных контекстах – в общеславянском, в западнославянском, в южнославянском и вне контекста, т.е. собственно в восточнославянском диалектном пространстве.

1. Лексема имеет общеславянское распространение и равномерно покрывает всю территорию Славии, в том числе и восточнославянский континуум

Эта ситуация характерна в основном для фонетических карт Атласа, где исключена лексическая вариативность, так как предметом картографирования является рефлекс той или иной праславянской фонемы, представленной именно в данной словоформе, ср., например, распространение таких лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *osm-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *moj-ь*, *moj-a*, *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *o» или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ь*, *sedm-ь*, *šest-ь*, *tret-bj-b*, *vesel-bj-e*, *ber-e-tb*, *devet-ь*, (*j)ezer-o // ozer-o*, (*j)elen-ь//olen-ь*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *e».

В лексических томах такая ситуация встречается реже, например, в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» на роль такой лексемы могла бы претендовать лексема *tok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (рус.-укр.-блр.-плс.-луж.-чеш.-слц.-слн.-хрв.-серб.), если бы она «не сдала свои позиции» в болгарских и македонских диалектах.

Системный характер ареалов этих праславянских лексем, равномерно покрывающих всю территорию Славии, являются убедительным свидетельством их архаичности.

2. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации на территории Славии существуют ограничения:

2.1. Лексема широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в южнославянских диалектах, ср.:

ob-ēd-ъ к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 1): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских языках: в словенских диалектах она локализуется в некоторых приморских, штаерских, паннонских и прекмурских говорах; в сербских диалектах – в призренско-тимокских говорах, а также в зетских говорах Черногории, в хорватских – в некоторых чакавских и кайкавских говорах; в македонских диалектах – в юго-западных говорах Эгейской Македонии; в болгарских – в отдельных западных и северо-восточных говорах².

Особенно много ареалов такого типа на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on-ъ*, *on-a*, *ogn-ъ*, *ovъz-ъ*, *pot-ъ*, *bob-ъ*, *stol-ъ*, *dom-ъ*, *kost-ъ*, *dъn-o*, *gor-a*, *sox-a*, *nog-a*, *kopyt-o* т. 5 «Рефлексы *о» или карты (*j)ež-ъ* // *ož-ъ*, *led-ъ*, *med-j-a*, *nes-l-ъ*, *pepel-ъ* т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Плотный ареал этих лексем, имеющих праславянское происхождение, в восточно- и западнославянских языках и дискретный в южнославянских является свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей. Эти ареалы также сформировались в достаточно древний период, еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от северославянских. Показательно, что разрушение ареалов этих общеславянских лексем происходит именно в южнославянских диалектах.

2.2. Лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ограниченный ареал в западнославянских диалектах, ср.:

dъrž-i-tъ к. 56 ‘держит’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских диалектах (в частности, в польских и восточнословацких);

znač-e-tъ к. 73 ‘знает’ т. 9 «Человек»: лексема имеет сходный ареал, ареальные ограничения наблюдаются в польских и западнословацких диалектах (см. карту-схему 2).

Таких ареальных сценариев отмечено сравнительно немного. Дистантная локализация ареалов этих праславянских лексем, а главное – их континуаль-

² Ограниченный объем статьи позволяет привести лишь некоторые примеры из обширного материала, которым располагает автор.

ность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Эти межславянские корреспонденции сформировались, по-видимому, в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от северославянских.

2.3. Лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и широко распространена в западно- и южнославянских. Здесь прослеживается несколько ареальных сценариев:

2.3. А. Лексема имеет ограниченный ареал в русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских диалектах, а также в южно- и западнославянских он является обширным, ср.:

večer-j-a к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: ареал этой лексемы в русских говорах является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими (см. карту-схему 3);

oč-i к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»: лексема имеет ограниченный ареал в южнорусских смоленских и брянских говорах;

per-et-ь к. 30 т. 6 «Рефлексы *е»: лексема практически не сохранилась в русских диалектах, ее ареалы являются в основном латеральными, они отмечены главным образом в западной группе русских говоров (псковских, тверских, смоленских и брянских).

В русских диалектах произошло разрушение ареала этих праславянских лексем под влиянием эволюционных процессов, проходивших в лексической системе русского языка на всем протяжении его истории. Витальность этих древних лексем в русских диалектах, граничащих с украинскими и белорусскими, во многом поддерживается благодаря этим диалектам, в которых они имеют повсеместное распространение. Следует, однако, отметить, что все эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития, а лексема *oči* до сих пор продолжает свое существование, хотя и является стилистически маркированной. Об этом говорят памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: **вечера** ‘ужин, вечерняя трапеза’: **когда твориши овѣдъ или вечерю**. Панд. Ант. XI в.; **Сладъка вечера и сласть, хлѣбъ ти соль, новага гадъ.** Гр. Наз. XI в.; **Видиши овѣды и вечеря и питїння и прелесть и говорь.** Златостр.; **оу-готованъ чьто вечерай.** Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; **вечеряхомъ много же бесѣдовавъше.** Мин.Чет. февр. 288 – Срезн. I: 251–252; **пърати** ‘мыть, стирать’ Срезн. II: 1761; **самъ варяще, самъ пърашъ** Гат. Син. XI. в.; **очи** ‘глаза’ Срезн. II: 642; **съмотря выываемыихъ сть вѣрою тѣлесъныма очима и дѣшевыныма** Изб. Св. 1076). И лишь значительно позднее, но не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *глаза* (см. Черных I: 190; II: 285), а с XVIII в. – и лексема *стирать* (Шапошников 2010: 381).

2.3. Б. Лексема имеет ограниченный ареал в украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских, в южно- и западнославянских диалектах он является обширным, ср.:

ov'-ьс-a к. 5 т. 5 «Рефлексы *о»: в украинских и особенно в белорусских диалектах широкое распространение получила лексема *ov'-ьс-ъk-a*, в то время как лексема *ov'-ьс-a* имеет ограниченный ареал: в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-восточных и юго-западных говорах и отсутствует в говорах Полесья; в белорусских диалектах она имеет небольшие островные ареалы на юге среднебелорусских говоров;

žen-a к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»: в украинских и белорусских диалектах лексема имеет островные ареалы, поскольку широкое распространение получила лексема **žen-ъk-a* (см. карту-схему 4).

Разрушение ареала этих праславянских лексем в украинских и белорусских диалектах под влиянием возникших на их основе дериватов связано с теми лексическими и словообразовательными процессами, которые имели место в истории их языковых систем. О позднем характере формирования ареалов лексем *ov'-ьс-ъk-a* и *žen-ъk-a* свидетельствует их словообразовательная структура, производный характер которой указывает на вторичность их образования.

2.4. Лексема имеет ограниченный ареал в восточно- и западнославянских диалектах и широко распространена в южнославянских.

Этот ареальный сценарий встречается довольно редко. Примером его может служить распространение лексемы *večer-j-a-j-e-tь* к. 64 ‘ест ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 5), которая широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где ее распространение локально ограничено: в русских диалектах ареал этой лексемы находится в основном в говорах южнорусского наречия, реже в западных среднерусских (псковских) говорах; в польских диалектах она локализуется в некоторых малопольских, мазовецких и силезских говорах. Причем во всех случаях ее функционирование ограничено другими более употребительными лексемами: в русских диалектах лексемой *užin-a-j-e-tь*, а в польских – описательной конструкцией *ěs-tь kolacij-q*.

Разрушение ареала этой праславянской лексемы произошло, по-видимому, в XVI–XVII вв., когда в русском языке утверждается лексема *ужинать* (см. Черных I: 190; II: 285), а в польском – заимствованная из латинского языка лексема (*kolacij*)-*a* (см. Brückner 1927: 244).

2.5. Лексема имеет общеславянское распространение, но в ее локализации во всех славянских диалектах существуют территориальные ограничения, ср. распространение лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела,

молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ареальные ограничения во всех славянских диалектах, за исключением польских, где она представлена довольно плотным ареалом.

Несмотря на то, что ареалы всех этих праславянских лексем являются ограниченными, общеславянский характер их распространения не может не свидетельствовать в пользу архаичности выявленных лексических параллелей, которые со временем подверглись разрушениям. Таким образом, их статус является самым высоким в типологии восточнославянских ареалов, поскольку они являются живым свидетельством диалектальности праславянского языкового континуума.

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением, сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» (Теньер 1966: 114).

3. Лексема распространена в диалектах только восточно- и западнославянской языковых групп и не выходит за их пределы

3.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, так как она равномерно покрывает территорию восточно- и западнославянских диалектов, ср., например, распространение таких лексем, как *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 6); *uš-ъk-o* к. 15 *dem* ‘ухо’ т. 9 «Человек»; *ręč-ъk-a* к. 32 *dem* ‘рука’ т. 9 «Человек»; *nož-ъk-a* к. 43 *dem* ‘нога’ т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *gor-ъk-a* к. 28 *dem* ‘гора’ т. 5 «Рефлексы *о» и др.

Ареалы этих лексем сформировались, по-видимому, в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты были уже отрезаны от севернославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Примечательно, что в большинстве своем они представлены словообразовательными деминутивами, которые сами по себе являются вторичными по отношению к своим производящим, что является еще одним доказательством позднего формирования их ареалов. Отсутствие этих лексем в южнославянских диалектах, при том, что в восточно- и западнославянских языках их ареал является плотным, невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянском восточно-западнославянского единства, в рамках ко-

торого протекали совместные языковые процессы³. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди **лексем, имеющих общеславянское распространение**, особенно много тех, которые имеют разрушенный **ареал именно в южнославянских диалектах**, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы лексем *on-ъ*, *on-a*, *ogn-ь*, *ovъs-ъ*, *pot-ъ*, *bob-ъ*, *voj-ыn-a*, *stol-ъ*, *dom-ъ*, *kost-ъ*, *dъn-o*, *gor-a*, *sox-a*, *nog-a*, *kopryt-o* т. 5 «Рефлексы *о» или (*j)ež-ъ //ož-ъ*, *led-ъ*, *med-j-a*, *nes-l-ъ*, *pepel-ъ //popel-ъ* т. 6 «Рефлексы *е»).

3.2. Несмотря на то, что лексема известна в восточно- и западнославянских диалектах, в своем распространении она имеет ареальные ограничения, ср. распространение лексем *sъn-ěd-an-ъ*, *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 7): лексемы хорошо известны в польских, чешских, лужицких, белорусских, украинских диалектах, тогда как в словацких и русских диалектах они локально ограничены: в русских диалектах лексема встречается в западной группе некоторых южнорусских говоров (смоленских, брянских), а также в отдельных среднерусских (псковских), при этом во всех случаях эта лексема употребляется параллельно с распространенной на всей территории лексемой *za-//utr-ъk-ъ*; в словацких диалектах лексема имеет точечный ареал в западнословацких говорах (п. 208), граничащих с чешскими диалектами.

Этот ареальный сценарий свидетельствует о том, что он сформировался, скорее всего, после распада позднепраславянского восточно-западнославянского единства. На это указывает, с одной стороны, континуальный характер распространения данных лексем в большинстве восточно- и западнославянских диалектов, а с другой – факт имеющихся ареальных ограничений в словацких и русских диалектах.

Интересно, что памятники древнерусской письменности свидетельствуют о том, что лексема *sъn-ěd-an-ъj-e* была известна русскому языку на ранних этапах его развития, поскольку она встречается в источниках XI в., хотя и в более общем значении, ср. **сънѣданіе** ‘пища’ Срезн. III: 781; **тако млада овоща и нова сънѣданія** Мин. 1096.

³ К сходной идеи приходит и автор монографии «Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны» Н.Б. Киселева: «Изоглоссы, ставшие предметом исследования, стабильно связывают белорусский (нередко также и украинский) язык с западнославянскими, однако практически не имеют параллелей в южнославянских языках. Поскольку южные славяне были отделены неславянскими территориями от северных (западных и восточных) славян еще в праславянский период, это приводит к заключению, что в позднепраславянский период – уже после отделения южных славян, но до окончательного распада славянского языкового единства – определенное время существовал западнославянско-восточнославянский языковой континуум, в котором проходили совместные языковые процессы; поэтому после разделения западных и восточных славян и приобретения их языками характерных отличий остатки этих совместных процессов сохранились» (Киселева 2002: 13).

Нельзя исключить тот факт, что и в словацких диалектах эта лексема имеет более широкое распространение, поскольку зафиксированная практически на всей территории Словакии лексема (*fruštok*)-ъ, (*fryštok*)-ъ, заимствованная из немецкого языка (из нем. Frühstück), явно позднего происхождения⁴.

3.2. А. Лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и широко распространена в западнославянских, ср.:

vols-u к. 25 ‘волосы человека’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в западнославянских, а также в белорусских и русских диалектах; в **украинских** диалектах ее ареал является **ограниченным**, поскольку она «сдела свои позиции» под натиском лексем *vols-ъj-a* и *kos-u*, с которыми она сосуществует нередко в рамках одного и того же диалекта;

žel-qd-ъk-ъ к. 52 ‘желудок’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в западнославянских и русских диалектах, тогда как в белорусских и украинских диалектах ее ареал ограничен другими лексемами: в украинских – лексемой (*šlun*)-ък-ъ, заимствованной из немецкого языка (*geslünge*); в белорусских – лексемами *trbb-ux-ъ*, *kъlb-ik-ъ*, *živ-ot-ъ*.

Распространение этих праславянских лексем в западно- и восточнославянских диалектах (при их отсутствии в южной Славии) является также свидетельством существования восточно-западнославянского языкового континуума, который позднее подвергся разрушению.

3.2. Б. Лексема имеет ограниченный ареал в западнославянских диалектах и широко распространена в восточнославянских, ср.:

pal-ьc-ъ к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в польских и лужицких, тогда как в словацких и особенно в чешских ее ареал является ограниченным. В южнославянских языках, а также в чешском и словацком эта лексема известна, но в ином, по-видимому, первичном значении ‘большой палец’ (Фасмер III: 192). Интересно, что значение ‘палец вообще’ в русском языке устанавливается лишь в XVI–XVII в. (Черных I: 617). Со временем, когда происходило становление литературного языка, лексема *pal-ьc-ъ* потеснила старославянизм *pvrstъ*.

Контактный ареал этой лексемы в восточно- и западнославянских диалектах, вторичный характер ее значения позволяет предположить, что этот ареал образовался сравнительно поздно.

Обширный, а главное континуальный ареал всех этих лексем, имеющих древние и.-е. корни, сформировался, по-видимому, в период восточно-западнославянского единства, однако в дальнейшем он подвергся разрушению.

⁴ Наши предположения подтвердила рукописная карта словацкого национального атласа, посвященная названию завтрака, которую любезно предоставил мне проф. П. Жиго. На этой карте отчетливо выделяются ареалы лексем *sъn-ěd-an-ъ*, *sъn-ěd-an-ъj-e* в западнословацких говорах.

3.2. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в западнославянских диалектах, ср.:

na-var-i-tъ к. 46 3sg ptaes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в русских (архангельских п. 577, вологодских п. 612 и подмосковных п. 719) говорах; в белорусских (юго-западных п. 376 и среднебелорусских п. 400) говорах; в украинских (закарпатских говорах п. 465); в польских (в мазовецких говорах п. 287 на границе с Белоруссией), лужицких (п. 235); плотный ареал в словацких диалектах и островной – в чешских (в моравских и ляшских говорах). Эти ареалы могут быть результатом как междиалектных контактов, в частности влияния словацких диалектов на чешские и украинские, так и независимой реализации общего архаического фонда корневых морфем.

3.3. Лексема распространена в восточнославянских диалектах и в некоторых западнославянских:

3.3. А. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в некоторых западнославянских. Этот ареальный сценарий встречается довольно часто, ср., например, распространение лексем:

porž-ъn-ъ к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 8): лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и ограниченный в польских и словацких: в польских диалектах она встречается в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях; в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных восточнославянских говорах, граничащих с украинскими;

krъš-ъk-у к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и ограниченный в польских, где она распространена в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях;

šček-a к. 3 ‘щека’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию восточнославянских диалектов и имеет микроареалы в польских (в основном в новых смешанных говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий); сходный ареал имеет и лексема *brъv-i* к. 11 ‘брюви’ в том же tome;

doj-ar-ъk-a к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и ограниченный в польских, где она распространена в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях; кроме того, она имеет точечные ареалы в словацких говорах на территории Венгрии (п. 154) и в лужицких диа-

лекахах (п. 237);

glin-j-an-ъ к. 50 ‘сделанный из глины’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, в польских и лужицких и ограниченный – в восточнословацких диалектах;

dum-a-j-e-tъ к. 69 ‘думает’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена во всех восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в польских (преимущественно мазовецких, великопольских говорах) и восточнословацких диалектах;

za-bqd-e-tъ к. 72 ‘забудет’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченные ареалы в польских диалектах (на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель) и микрареал в восточнословацких (п. 233).

Распространение этих лексем (некоторые из которых являются собственно восточнославянскими производными новообразованиями от праславянских основ, ср., например, *doj-ar-ъk-a*, *za-bqd-e-tъ*) свидетельствует о том, что их ограниченные ареалы находятся чаще всего в польских и восточнословацких говорах. Это невольно наталкивает на мысль, что эти ареальные связи сформировались довольно поздно в процессе междиалектных контактов, в частности, влияния восточнославянских диалектов, прежде всего на польские и словацкие говоры, откуда эти лексемы могли распространяться далее.

3.3. Б. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в некоторых западнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, причем обращает на себя внимание тот факт, что особенно часто изоглоссы связывают восточнославянские и польские диалекты, ср.:

korm-y-sl-o к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема плотно покрывает территорию русских и украинских диалектов, тогда как в белорусских она распространена лишь в юго-западных полесских говорах, граничащих с украинскими; в польских диалектах лексема встречается в основном в говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

lej-ъk-a к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в восточнославянских диалектах лексема имеет плотный ареал в белорусских и украинских диалектах, тогда как в русских он является разреженным – плотным в южнорусских говорах и в западной группе среднерусских и ограниченным в севернорусских говорах; кроме того, лексема встречается в польских диалектах, однако в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель или на пограничных территориях; в словацких диалектах лексема отмечена лишь в п. 233, который по своей языковой системе является украинским;

rust-ъ к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (например, о горшке) т. 6 «Домашнее

хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 9): лексема имеет обширный ареал в русских, белорусских и польских диалектах и ограниченный – в украинских, где она локализуется в основном в юго-восточных говорах Лебовережной Украины, хотя иногда встречается в полесских, а также в говорах юго-западного наречия;

jъkr-a к. 45 ‘икра, мышца ноги ниже голени’ т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и ограниченный в украинских, белорусских и польских: в украинских диалектах это небольшие ареалы в восточно-полесских и юго-восточных говорах; в белорусских – в северо-восточных, граничащих с русскими диалектами; в польских – в новых переселенческих говорах, а также в пограничных с восточнославянскими диалектами; кроме того, в отдельных мазовецких и великопольских говорах;

тьkt-ъv-ъk-a к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в восточнославянских диалектах эта лексема имеет плотный ареал лишь в белорусских говорах, тогда как в русских и украинских он является ограниченным: в русских диалектах лексема имеет дисперсный ареал и встречается чаще всего в западной группе русских говоров (новгородских, псковских, тверских, смоленских, брянских), а также в русских старожильческих говорах на территории Латвии, Литвы, Эстонии; кроме того, она представлена в отдельных пунктах северорусских и южнорусских говоров; в украинских диалектах лексема распространена преимущественно в полесских говорах и иногда встречается в некоторых юго-западных и юго-восточных; кроме того, эта лексема имеет точечный ареал в малопольских говорах (п. 321);

kroj-i-tь, kroj-e-tь к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и обширный – в польских: в русских диалектах лексема зафиксирована в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в отдельных северо-восточных, среднебелорусских, юго-западных и западнополесских говорах, граничащих с польскими диалектами; в украинских диалектах лексема имеет островной ареал в полесских (пп. 405, 417) и юго-западных говорах (пп. 486, 487);

ob-kraj-ъc-ь к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбуши’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в украинских диалектах и ограниченный – в русских, белорусских, польских и словацких: в русских диалектах она отмечена лишь в двух южнорусских пунктах (Брян. пп. 811, 813); в белорусских диалектах лексема *ob-kraj-ъc-ь* имеет более широкий, но также ограниченный ареал, в основном это отдельные пункты в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 266, 267), жители которых являются переселенцами с восточнославян-

ских территорий; в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров, языковая система которого является украинской (п. 233);

kraj-ъč-ik-ъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских и словацких диалектах: в русских диалектах она локализуется в основном в южнорусских говорах; в белорусских диалектах – преимущественно в северо-восточных, а также в отдельных пунктах полесских и среднебелорусских говоров; в украинских диалектах она распространена в основном в полесских говорах, а также в отдельных пунктах юго-западных бойковских; в словацких диалектах лексема имеет точечный ареал в среднесловацких говорах (п. 219);

syt-ъ к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских и польских диалектах: в русских диалектах она зафиксирована в единичном пункте в южнорусских говорах (Белгор. п. 848); в белорусских диалектах лексема *syt-ъ* имеет довольно плотный ареал в юго-западных говорах и разреженный в среднебелорусских, западнополесских и северо-восточных говорах; в украинских диалектах она представлена в отдельных пунктах юго-западных, юго-восточных и полесских говоров; в польских диалектах лексема имеет островной ареал в кашубских говорах (пп. 241, 242);

skvar-ъk-у к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в белорусских и польских диалектах и ограниченный в русских и украинских: в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (псковских, тверских, смоленских, брянских); в украинских диалектах она имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 361);

skor-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в украинских диалектах, тогда как в русских, белорусских, польских, словацких и чешских диалектах он является ограниченным: в русских диалектах она зафиксирована в единичном пункте южнорусских говоров (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема встречается в некоторых юго-западных и западнополесских говорах; в польских диалектах лексема распространена в основном в малопольских и мазовецких говорах; в словацких диалектах лексема зафиксирована в восточнословацких говорах; в чешских диалектах лексема имеет микроареал в ляшских говорах (п. 207),

plěv-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в белорусских диалектах и ограниченный – в русских, украинских и польских: в русских диалектах она встречается в некоторых южнорусских брянских говорах; в украинских диалектах лексема распространена в основном в отдельных пунктах полесских и

юго-восточных говоров; в польских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте новых смешанных говоров (п. 252);

//aj-ъk-o к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в польских диалектах и ограниченный – в восточнославянских и лужицких диалектах: в русских диалектах лексема образует островной ареал в архангельских говорах; в белорусских она имеет дисперсный ареал в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в украинских диалектах у нее отмечен точечный ареал в юго-западных говорах (п. 412); в лужицких диалектах лексема зафиксирована в единичном нижнелужицком пункте (п. 235);

//aj-ъc-o к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских, польских, чешских и словацких диалектах он является ограниченным: в украинских лексема *//aj-ъc-o* имеет островной ареал в восточнонеполесских говорах; в польских диалектах лексема встречается в основном в силезских говорах; в чешских диалектах она распространена в некоторых ляшских и моравских говорах; в словацких диалектах эта лексема имеет дискретные ареалы в некоторых восточно- и западнословацких говорах;

u-krop-ъ к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских и в польских диалектах: в русских диалектах она отмечена в некоторых южнорусских (брянских) говорах; в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 394); в украинских диалектах она встречается в полесских говорах; в польских диалектах лексема имеет островные ареалы в мазовецких и малопольских говорах;

podъ-večer-ъk- к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и обширный в польских: в русских диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западной группы русских говоров (псковских, смоленских), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена значительно шире, особенно в говорах юго-западного наречия, реже – в юго-восточных; в белорусских диалектах лексема имеет дисперсный ареал в северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах;

na-peč-e-tъ к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченные ареалы в восточнославянских, чешских и словацких диалектах: в русских диалектах она образует дискретные ареалы в севернорусских (архангельских, вологодских), в южнорусских (рязанских и брянских) и среднерусских говорах (псковских, новгородских, владимирско-половецких); в украинских диалектах лексема *na-peč-e-tъ* отмечена в некоторых полесских, юго-восточных и юго-западных говорах (п. 465); в белорусских диалектах она встречается в отдельных юго-западных,

среднебелорусских и северо-восточных говорах; в чешских диалектах лексема отмечена в некоторых пунктах ляшских (пп. 202, 203) и ганацких говоров (п. 194); в словацких диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233).

Все эти ареалы являются свидетельством контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Большинство ареалов сформировалось довольно поздно, причем в основном в процессе междиалектных контактов, о чем свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *lěj-ъk-a*, *ob-kraj-ъc-ь*, *kraj-ъc-ik-ь*; или зап.-сл. *podъ-večer-ъk-ь* *kroj-i-tъ*, *kroj-e-tъ*).

При этом в качестве **языка-донора** могли выступать как **восточнославянские** диалекты – **русские** (ср. распространение лексем *pust-ъ* к. 3 ‘пустой, не наполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или *jъkr-a* к. 45 ‘икра, мышца ноги выше голени’ т. 9 «Человек»), **белорусские** (ср. распространение лексем *tъkt-ъv-ъk-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *syt-ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plěv-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), **украинские** (ср. распространение лексем *ob-kraj-ъc-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *skor-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); так и **западнославянские** – особенно **польские** (ср. *kroj-i-tъ*, *kroj-e-tъ* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; //*aj-ъk-o* к. 39 Nsg (j)aje; *u-krop-ъ* к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-večer-ъk-ь* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Словацкие, чешские и лужицкие диалекты являлись, как правило, говорами-реципиентами (ср., например, распространение лексем *kraj-ъc-ik-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *na-reč-e-tъ* к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

При решении вопроса о том, в каком направлении шло влияние, чрезвычайно важной является качественная характеристика ареала (его плотность, конфигурация, границы). Поэтому каждый ареал необходимо рассматривать в отдельности, поскольку в его формировании важную роль могли играть как восточнославянские, так и западнославянские (особенно польские) диалекты.

4. Лексема полностью покрывает территорию восточной и западной Славии, а также представлена в некоторых южнославянских диалектах

mǫk-a к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 10): лексема равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, а также Словении, но имеет ареальные ограничения в хорватских и сербских диалектах: в хорватских диалектах она распространена в основном в чакавских говорах; в сербских диалектах она имеет островные ареалы в зетских и призренско-тимокских говорах;

tet-ъk-a к. 16 т. 6 «Рефлексы *е»: лексема широко распространена в восточно-, западнославянских языках, а также в македонских и сербских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в некоторых хорватских (славонских) и западноболгарских говорах;

pros-i-tъ к. 68 ‘просит’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах; кроме того, она имеет точечный ареал в сербских призренско-тимокских говорах (п. 84);

siln-a к. 20 ‘слюна’ т. 9 «Человек»: лексема широко известна в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах; кроме того, она имеет точечные ареалы в сербских косовско-ресавских (п. 70) и восточно-герцеговинских говорах (п. 67).

Континуальность ареалов этих праславянских лексем, зафиксированных в диалектах всех трех славянских языковых групп, свидетельствует о том, что эти ареалы сформировались в глубокой древности, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от севернославянских.

4.1. Лексема полностью покрывает территорию восточной Славии и имеет ограниченный ареал в западно- и южнославянских диалектах, ср. локализацию следующих лексем:

zъ-met-am-a к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 11): лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в польских, чешских и словацких, тогда как в лужицких, словенских, сербских и болгарских она имеет ограниченные ареалы: в лужицких диалектах она отмечена в некоторых верхне- и нижнелужицких говорах; в словенских диалектах она зафиксирована в отдельных приморских, горенских, ровнгарских, костельских, штаерских говорах; в сербских диалектах она имеет островной ареал в призренско-тимокских говорах; в болгарских диалектах ее островные ареалы отмечены в западных и северо-восточных говорах;

běl-ъk-ъ к. 42 ‘белая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах,

а также в чешских, словацких, лужицких и болгарских диалектах; тогда как в польских, словенских, сербских и македонских диалектах она имеет ареальные ограничения: в польских диалектах она локализуется в основном в мазовецких и малопольских говорах; в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в говорах Каринтии (п. 148); в сербских диалектах она встречается в некоторых призренско-тимокских говорах; в македонских диалектах она имеет островные ареалы в некоторых западных и юго-западных говорах Эгейской Македонии;

žyl-tъk-ъ к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в чешских, словацких, лужицких и болгарских; в польских диалектах она имеет островные ареалы в мазовецких, малопольских и некоторых кашубских говорах; в македонских диалектах лексема отмечена в некоторых западных и юго-западных говорах Эгейской Македонии;

var-i-tъ к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а также в чешских, словацких, лужицких, сербских и македонских диалектах, в польских и хорватских она имеет ареальные ограничения: в хорватских диалектах лексема встречается в латеральной зоне икавских говоров; в польских диалектах она имеет островные ареалы в основном в силезских и малопольских говорах.

Повторяемость в локализации ареалов этих праславянских лексем, а главное – их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия являются собой «осколки» архаизмов, имевших некогда более широкие ареалы.

4.2. Лексема имеет ограниченный ареал в восточно- и в юнославянских диалектах, тогда как в западнославянских он является плотным, ср. распространение лексемы *ot-ьс-ъ* к. 7 т. 5 «Рефлексы *о» (см. карту-схему 12), которая имеет плотный ареал в западнославянских, русских, словенских, хорватских и сербских диалектах, тогда как в болгарских он является точечным (пп. 123, 139 при том, что в материалах эта лексема фиксируется в ином значении, а именно ‘священник’), а в украинских и белорусских – островным (в белорусских диалектах – это небольшой остров в северо-восточных говорах, граничащих с русскими диалектами, а также ограниченные ареалы в некоторых западно-полесских и юго-западных говорах; в украинских диалектах – это довольно обширный ареал в говорах Правобережной Украины (юго-западных и полесских), а также небольшой остров в юго-восточных говорах, в македонских диалектах эта лексема в материалах Атласа не зафиксирована).

Древнее происхождение этой лексемы, имеющей индоевропейский корень

(< *ăt-), хотя и ограниченный, но практически общеславянский характер ее распространения свидетельствуют о том, что перед нами разрушенный ареал праславянского архаизма.

4.3. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточно-, и в южно-, и в западнославянских диалектах, ср.:

sъ-met-an-a к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в белорусских, украинских (хотя в основном в говорах Правобережной Украины), чешских, лужицких, западнословацких, словенских диалектах и ограниченный – в русских (в основном в южнорусских брянских, орловских, тульских говорах), в польских (в мазовецких и малопольских говорах), в болгарских (преимущественно в западных и некоторых северо-восточных говорах) диалектах и точечный в хорватских (п. 148а) и в сербских переселенческих говорах на территории Румынии (пп. 168, 169).

Островной характер ареала этой праславянской лексемы, локализующейся в диалектах всех трех славянских языковых групп, сохранение первичного этимологического значения ‘сливки’ свидетельствуют о том, что это, скорее всего, осколки архаичного ареала, имевшего ранее более широкие границы;

(šmal)-ьс-ь к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко известна в украинских, польских, словацких и лужицких диалектах, тогда как в чешских, словенских, хорватских, белорусских и русских диалектах она локально ограничена: в чешских диалектах – это островной ареал в ляписских говорах (пп. 197, 207); в словенских диалектах – в штаерских говорах, а также в переселенческих говорах в Каринтии; в хорватских диалектах – это точечный ареал в чакавских говорах (п. 24), в белорусских – ограниченный ареал в западнополесских говорах, граничащих с польскими и украинскими диалектами; в русских диалектах – в южнорусских (брянских, орловских, курских, воронежских) говорах, граничащих с украинскими. Ареал этой лексемы, заимствованной из немецкого языка (в.-нем. *schmalz*), является иллюстрацией инновации, связанной с междиалектными контактами в процессе ее освоения.

5. Лексема распространена в восточнославянских диалектах, а также в некоторых западно- и южнославянских

5.1. Лексема плотно покрывает территорию восточнославянских диалектов, кроме того, она представлена в некоторых западно- и южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

sъ-var-i-tь к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, македонских и сербских, кроме того, она имеет островные ареа-

лы в хорватских (кайкавских, славонских) диалектах, тогда как в словенских (п. 148), чешских (п. 196) и польских диалектах (п. 320) ее ареалы являются точечными;

svin-in-a к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, разреженный – в польских, тогда как в словенских и восточнословацких диалектах он является островным;

tel-qt-in-a к. 23 ‘мясо теленка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских, польских, словенских, хорватских и сербских диалектах и имеет точечные ареалы в некоторых чешских (п. 207), словацких (п. 233) и македонских говорах (п. 93), см. карту-схему 13;

gos-qt-in-a, *gos-qt-j-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских и словацких диалектах; островной ареал в хорватских кайкавских и точечный в славонских диалектах (п. 39);

sad-l-o к. 27 ‘под кожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских и чешских диалектах и микроареал – в словенских говорах (приморских п. 3 и белокраинских п. 15);

kys-ъl-ъ к. 44 ‘кислый, квашеный’ (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет плотный ареал в среднесловацких говорах, а также островные ареалы в западно- и восточнословацких; кроме того, она имеет точечный ареал в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (п. 240), и островные ареалы в чешских (ляшских и моравских) и словенских диалектах.

Локализация ареалов этих праславянских лексем в диалектах всех трех славянских языковых групп позволяет рассматривать их в качестве праславянских диалектизмов.

5.2. Лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах, а также в некоторых южно- и западнославянских, ср. распространение следующих лексем:

gov-qd-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских, словенских, хорватских и сербских диалектах, разреженный в украинских и белорусских и точечный в македонских (п. 93), словацких (п. 233) и польских (п. 303);

melz-iv-o, *melz-iv-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, украинских, чешских и западнословацких диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в белорусских, словенских, хорватских диалек-

так и точечные в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (п. 238);

sad-l-o к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, чешских и македонских диалектах, имеет разреженный ареал в белорусских диалектах и точечный в украинских (в пунктах, граничащих с русскими диалектами пп. 445, 849); кроме того, она имеет точечные ареалы в словацких (п. 208) и словенских (п. 11) диалектах;

koryt-o к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских он является разреженным; кроме того, она имеет плотный ареал в словацких диалектах, а также небольшие ареалы в чешских и пограничных с ними польских диалектах; островные ареалы этой лексемы отмечены в некоторых словенских и хорватских диалектах;

Сохранение этих праславянских лексем в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их ареалов, свидетельствует о том, что эти ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям.

Нельзя, однако, исключить и такой ареальный сценарий, когда сходный ареал является свидетельством позднего новообразования, ср. распространение лексем:

nož-ič-ъk-ъ к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских и белорусских диалектах, разреженный в украинских и чешских, а также островной в польских, словацких и словенских;

sъ-met-an-ъk-a к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные и точечные ареалы в некоторых русских, украинских, белорусских, польских, словацких и сербских диалектах; показательно, что именно в этих диалектах в том же значении известна и лексема *sъ-met-an-a*, являющаяся производящей для данного деривата;

//aj-ъc-ъk-o к. 40 *dem* (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в украинских, белорусских и польских диалектах, кроме того, она имеет островные ареалы в русских (в западных говорах, граничащих с украинскими и белорусскими) и точечный ареал в словенских диалектах (п. 3).

Производный характер всех этих лексем, являющихся деминутивами от более древних основ (а иногда даже двойным деминутивом, как например, *nož-ič-ъk-ъ*), свидетельствуют о том, что их ареалы являются поздним новообразованием, несмотря на то, что они локализуются в диалектах всех трех славянских языковых групп.

6. Лексема распространена в диалектах восточно- и южнославянской языковых групп

6.1. Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, так как она равномерно покрывает территорию восточной и южной Славии. Этот ареальный сценарий встречается редко. В качестве иллюстрации можно привести распространение таких праславянских лексем, как *rēž-e-tъ*, *rēž-i-tъ* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек».

Системный, а главное континуальный характер ареала этих праславянских лексем говорит о том, что перед нами древние диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

6.2. Лексема распространена в восточно- и южнославянских диалектах, однако в своем распространении она имеет территориальные ограничения, ср., например, локализацию праславянской лексемы *vъ-kos-ьnъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая широко представлена в русских и сербских диалектах, но имеет ограниченные ареалы в белорусских, украинских, македонских, болгарских, словенских и хорватских диалектах (см. карту-схему 14).

Ареал этой праславянской лексемы сформировался также, по-видимому, в достаточно древний период, хотя в процессе эволюции славянских языков он подвергся разрушениям.

6.3. Лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских диалектах и широко распространена в южнославянских.

Этот ареальный сценарий встречается довольно редко. В качестве примера можно привести ареал лексемы *neb-o* к. 21 ‘небо’ т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию всей южной Славии, тогда как в восточнославянских языках она широко представлена лишь в русских диалектах, а в украинских и белорусских встречается в пограничных с Россией говорах, тогда как в остальных диалектах Украины и Беларуси получила распространение лексема *rodъ-neb-en-ъj-e*.

Метафорический характер значения этой лексемы, появление ее в памятниках русской письменности не ранее XVII в. (ср. небо ‘небо’: И тот Федоръ лежитъ боленъ и небо у него проломило во рту тою болѣзнью 1629 СРЯ XI–XVII 11: 17, ср. также: имать во уста и челости и языкъ и небо зовомое лалокъ XVII в. СРЯ XI–XVII 8: 167) свидетельствуют о том, что ее ареал в восточнославянских диалектах образовался довольно поздно. Наличие латеральных ареалов этой лексемы в украинских и белорусских диалек-

так является свидетельством влияния русских говоров.

Широкое распространение этой метафоры не только в славянских, но и в языках германской и романской групп, ее происхождение из греч. οὐρανίσκος (Skok II: 509) свидетельствуют о том, что ее ареал сформировался довольно поздно.

7. Лексема распространена в восточнославянских диалектах и в некоторых южнославянских

7.1. Лексема широко распространена в восточнославянских диалектах и имеет ограниченный ареал в некоторых южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

měz-in-ьс-ь к. 39 ‘мизинец’ т. 9 «Человек»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, а в южнославянских она встречается лишь в словенских говорах;

ро-тьп-i-tь к. 70 ‘помнит’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию восточнославянских диалектов, тогда как в южнославянских она отмечена в болгарских, некоторых македонских и словенских диалектах;

зов-e-tь к. 66 ‘зовет кого-нибудь’ т. 9. «Человек»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, тогда как в южнославянских она встречается в некоторых словенских, хорватских и сербских говорах;

sъ-peс-е-tь к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в украинских и белорусских диалектах, разреженный – в русских, тогда как в южнославянских она отмечена лишь в словенских и прилегающих к ним хорватских чакавских и кайкавских говорах.

Ограниченный характер ареала этих праславянских лексем в южнославянских диалектах при его высокой плотности в восточнославянских позволяет высказать предположение, что их изоглоссы являются продолжением северных черт в южной Славии.

7.2. Лексема имеет ограниченный ареал и в восточнославянских диалектах, и в южнославянских. Эту ситуацию можно проиллюстрировать следующими лексемами:

пъкт-ьv-a к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 15): лексема имеет широкое распространение в украинских, македонских, болгарских, хорватских и сербских диалектах, тогда как в русских и белорусских диалектах ее ареал является ограниченным: в русских диалектах она локализуется преимущественно в южнорусских говорах; в белорусских – в говорах юго-западного наречия; в словенских диалектах она отсутствует;

ob-ёd-ь к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготов-

ление пищи': лексема имеет небольшие островные ареалы в восточнославянских диалектах, которые тянутся с севера-востока русских (архангельских и вологодских) говоров через западные белорусские на юго-запад украинских; и точечный ареал в болгарских переселенческих говорах на территории Румынии (п. 167);

žir-ъ к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный ареал в русских диалектах (преимущественно в южнорусских) и дисперсный – в белорусских (в юго-западных, среднебелорусских и северо-восточных говорах); островной ареал в украинских полесских говорах (пп. 384, 407) и точечный – в словенских (п. 149).

Ограниченные дистантные ареалы этих праславянских лексем являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей. Эти лексические соответствия говорят о сохранении общего архаического лексического фонда.

Среди этих ареальных сценариев встречаются и такие случаи, когда и в восточно-, и в южнославянских диалектах корреспондирующие лексемы имеют микроареалы, ср. распространение лексем:

pol-u-dbyn-a-j-e-tь к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских говорах (Смол. п. 746); в белорусских диалектах она встречается в отдельных пунктах юго-западных, западнополесских и северо-восточных говоров; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в юго-западных говорах; в болгарских диалектах она зафиксирована в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 145);

vъjxъ к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет микроареалы в среднерусских (Моск. п. 720) и южнорусских говорах (Смол. п. 771); в белорусских диалектах она зафиксирована в некоторых северо-восточных, среднебелорусских и западнополесских говорах; в украинских диалектах лексема имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 411); в македонских диалектах она отмечена в некоторых говорах Эгейской Македонии (п. 113) и центральномуакедонских (п. 97).

Эти микроареалы являются, по-видимому, территориальными величинами позднего времени как проявление независимого параллельного развития.

8. Лексема распространена в восточно- и южнославянских диалектах, а также в некоторых западнославянских

8.1. Лексема полностью покрывает территорию восточной и южной Славии, а также представлена в некоторых западнославянских диалектах, ср. локализацию лексемы (*j)esetъ // osetъ* к. 20 «Рефлексы *e», которая широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах, а также в польских

и словацких говорах, тогда как в чешских диалектах она имеет небольшие ареалы лишь в ляшских говорах, а в лужицких отсутствует.

8.2. Лексема полностью покрывает территорию восточной Славии, но имеет ареальные ограничения в некоторых южно- и западнославянских диалектах, ср. локализацию лексемы *kyp-i-tъ* к. 47 ‘кипит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая широко распространена в восточнославянских, а также в болгарских диалектах; имеет разреженные ареалы в польских и хорватских диалектах; островные – в словенских, сербских и македонских диалектах и точечный – в словацких (п. 233).

Обширный, а главное континуальный характер ареала этих лексем, локализующихся в диалектах всех трех славянских языковых групп, свидетельствует о том, что перед нами праславянские диалектизмы.

8.3. Лексема имеет ограниченный ареал в восточнославянских и западнославянских диалектах, но широко распространена в южнославянских, ср. локализацию следующих лексем:

kys-ěl-o melk-o к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: эта описательная конструкция широко распространена в южнославянских и чешских диалектах, кроме того, она имеет довольно плотные ареалы в украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских, словацких и польских диалектах в ее распространении наблюдаются ареальные ограничения.

Этот ареальный сценарий является свидетельством сохранившейся архаики, так как описательная конструкция предшествует однословной номинации, которая образуется путем ее свертывания;

kož-a к. 22 ‘кожа человека’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в южнославянских, лужицких, чешских, западнословацких и русских диалектах, тогда как в украинских и белорусских говорах она сохранилась, по-видимому, под влиянием русских диалектов, так как встречается в основном в говорах, граничных с Россией, в то время как на остальной территории получили широкое распространение лексемы *skor-a* и *škor-a*.

Метафорический характер значения лексемы *kož-a*, которая этимологически связана с посессивной семантикой (< *kozja), в соответствии с теорией лингвогеографии говорит о позднем формировании ее ареала;

či-j-e-tъ к. 61 ‘слышит’ т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в диалектах южной Славии, а также в украинских и белорусских диалектах; островные ареалы этой лексемы зафиксированы в восточно- и западнословацких говорах, в моравских говорах чешских диалектов, в капувских говорах польских диалектов и микроареалы в русских диалектах – в севернорусских (в основном в архангельских), среднерусских (преимущественно в новгородских и тверских) и южнорусских (смоленских, брянских).

Индоевропейский характер этой лексемы, сохраняющей связь с первичным этимологическим значением (< и.-е. *kēu-j- ‘замечать, внимать, слышать’), а также ее обширный ареал, охватывающий диалекты всех трех славянских языковых групп, свидетельствует об архаичности этого лексического соответствия.

8.4. Лексема имеет ограниченный ареал в восточно- и южнославянских диалектах, кроме того, она встречается в некоторых западнославянских, ср. локализацию следующих лексем:

soln-in-a к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в сербских, хорватских, македонских, болгарских, словацких и польских диалектах; в восточнославянских и словенских диалектах она локально ограничена: в восточнославянских диалектах лексема имеет довольно плотный ареал в украинских юго-западных говорах и в белорусских северо-восточных, тогда как в русских и словенских диалектах ее ареал является точечным (рус. п. 526; слн. п. 21);

żęd-j-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в русских, украинских словенских и хорватских диалектах, тогда как в польских, белорусских, сербских, македонских и болгарских диалектах в ее распространении имеются ареальные ограничения: в белорусских диалектах она локализуется в основном в северо-восточных говорах, реже в среднебелорусских и юго-западных; в польских диалектах лексема имеет небольшие ареалы в мазовецких, малопольских, а также в отдельных пунктах капубских говоров; в сербских диалектах она встречается в говорах Черногории, а также Боснии и Герцеговины; в болгарских диалектах она локализуется в основном в западных и северо-восточных говорах; в македонских диалектах она имеет точечный ареал в центрально-македонских говорах (п. 100).

Континуальный характер ареалов этих лексем, сохранившихся в диалектах всех трех славянских языковых групп, свидетельствуют о том, что он сформировался еще в праславянский период, однако в дальнейшем подвергся разрушениям.

9. Лексема распространена в некоторых восточнославянских, а также в западнославянских диалектах

Лексема имеет обширный ареал в западнославянских диалектах и ограниченный ареал в некоторых восточнославянских, ср.:

stud-ъn-j-a, stud-ъn-ъj-a к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 16): лексема плотно покрывает территорию всех западнославянских диалектов и имеет ограниченный ареал в украинских и белорусских диалектах: в украин-

ских она распространена в основном в юго-западных и полесских говорах на границе с польскими и словацкими диалектами; в белорусских – в юго-западных, среднебелорусских и северо-восточных.

В русских диалектах в материалах Атласа лексема *stud-ъn-j-a* не зафиксирована. Примечательно, что в древнерусских памятниках письменности в этом значении встречается лексема **стъденьцъ, стюденьцъ**,ср. **Стюденгѣцъ, рекомыи кладазъ, близъ ея вѣ** Ипат. л. Срезн. III: 575, которая до сих пор существует в русских говорах, ср. *студенец* ‘колодец с ключевой водой’ Сев., Южн., Волог., Моск., Пенз., Яросл., СРНГ 42: 72.

Эта лексема является, по-видимому, западнославянским суффиксальным производным новообразованием от праславянской основы *stud-*. Островной характер ее ареала в восточнославянских диалектах говорит о том, что он образовался в результате междиалектных контактов западнославянских диалектов с украинскими и белорусскими, которые выступали в роли языка-реципиента.

10. Лексема распространена в некоторых восточно- и западнославянских диалектах

10.1. Лексема распространена в русских и украинских диалектах и в некоторых западнославянских, ср. распространение следующих лексем:

krin-ic-a к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареал в южнорусских (брянских и курских) говорах и довольно плотный ареал в украинских диалектах; кроме того, она отмечена в некоторых польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (пп. 257, 276);

děž-a к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченные ареалы в русских (южнорусских рязанских и курских) говорах, в украинских юго-западных говорах; в верхне- и нижнелужицких диалектах (пп. 234, 237). Ограниченный ареал этой праславянской лексемы в материалах атласа, при том что она широко известна в русских (ср. рус. *дежа*), белорусских (ср. блр. *дзежса*), западнославянских диалектах (ср. чеш. *díže*, *díž*; слц. *dieža*; плс. *dzieża*; в-луж. *džéža*; н-луж. *žéža*), а также в некоторых южнославянских (ср. слн. *déža*; сх. диал. *диксва*) в значении ‘квашня’, позволяет высказать предположение, что эта лексема явилась не совсем точным ответом на заданный вопрос, который предполагал лишь общее название корыта;

skor-ъk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема встречается в некоторых русских, украинских и польских диалектах: в русских диалектах она распространена в основном в южнорусских говорах; в украинских диалектах – в отдельных

юго-западных и юго-восточных говорах; в польских – она имеет точечный ареал в великопольских говорах (п. 278).

Ареалы этих лексических корреспонденций сформировались, по-видимому, довольно поздно в процессе междиалектных контактов или независимого параллельного развития.

10.2. Лексема распространена в русских и белорусских диалектах и в некоторых западнославянских, ср. распространение следующих лексем:

mold-iv-o, mold-iv-a к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема распространена в русских, белорусских и польских диалектах: в русских диалектах она локализуется преимущественно в западной группе говоров, хотя встречается в некоторых севернорусских (ярославских) и южнорусских (рязанских) говорах; в белорусских диалектах она распространена практически повсеместно; в польских диалектах лексема фиксируется в основном в тех пунктах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

gos-in-a к. 25 ‘мясо гуся’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в некоторых севернорусских (вологодских и ладого-тихвинских) и южнорусских (смоленских) говорах; в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в словацких – в западнословацких говорах (п. 208); в чешских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах ляшских (пп. 202, 203) и восточноморавских говоров (п. 204);

doj-ък-a к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет островной ареал в западной группе среднерусских (гверских) говоров; в белорусских диалектах она встречается в некоторых северо-восточных и западнополесских говорах; в польских диалектах лексема распространена практически повсеместно;

var-ъ к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена преимущественно в говорах южнорусского наречия, хотя встречается в некоторых среднерусских (псковских и тверских) говорах; в белорусских диалектах она локализуется главным образом в северо-восточных говорах, реже – в среднебелорусских и юго-западных; в польских диалектах лексема широко известна в кашубских, мазовецких, великопольских и малопольских говорах.

Лексемы, представляющие эти корреспонденции, являются преимущественно производными суффикальными новообразованиями от соответствующих праславянских основ. Поэтому большинство их ареалов сформировалось довольно поздно вследствие междиалектных контактов русских, белорусских и польских говоров, причем в роли языка-донора выступали белорусские и польские диалекты.

Однако в ряде случаев нельзя исключить и независимое сохранение архаического лексического фонда (ср., например, ареал праславянской лексемы *var-ъ, имеющей связь с первичным этимологическим значением ‘бить ключом, бурлить, кипеть’).

10.3. Лексема распространена в украинских и белорусских диалектах и в некоторых западнославянских, ср. распространение следующих лексем:

stykł-ěn-ъk-a к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный островной ареал в западных белорусских и украинских говорах; в западнославянских диалектах она покрывает практически всю территорию Польши и восточной Чехии и имеет точечный ареал в среднесловацких говорах (п. 223).

kvas-ьn-ъ к. 44 ‘кислый, квашеный’ (о капусте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный островной ареал в юго-западных украинских говорах и точечный в белорусских (п. 337); в западнославянских диалектах она покрывает всю территорию Польши и имеет островной ареал в восточнословацких говорах;

lyž-ьk-a к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в юго-западных украинских говорах и островной – в северо-восточных белорусских; обширный ареал в польских диалектах и ограниченные ареалы в чешских (ляшских) говорах и в словацких, граничащих с польскими диалектами;

sъ-trav-a к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в украинских юго-западных, полесских и юго-восточных говорах; точечные ареалы в среднебелорусских (п. 338) и юго-западных (п. 385) говорах, а также в словацких (среднесловацких п. 217 и восточнословацких п. 233) диалектах;

krok-ъ к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в диалектах Правобережной Украины и микроареалы в белорусских юго-западных (п. 337) и среднебелорусских (пп. 346, 357) говорах; кроме того, она широко распространена в польских, чешских и словацких диалектах.

Ареалы всех этих лексических корреспонденций сформировались довольно поздно в процессе междиалектных контактов, причем в роли языка-донора чаще всего выступали западнославянские диалекты, в основном польские и словацкие (ср., например, распространение таких лексем, как *stykł-ěn-ъk-a*, *gos-in-a*, *doj-ьk-a*, *kvas-ьn-ъ*, *lyž-ьk-a*, *krok-ъ*), реже украинские (ср. *krin-ic-a*, *sъ-trav-a*) и белорусские (ср. *mold-iv-o*, *mold-iv-a*). Вместе с тем в ряде случаев, особенно когда речь идет о русско-украинско-западнославянских изогlossenах, нельзя исключить и возможность независимого параллельного развития (ср., например, ареалы лексем *děž-a*, *skor-ьk-a*) или сохранения архаического лексического фонда (ср., например, островные ареалы лексемы *var-ъ*). Примечательно, что большинство из этих лексических параллелей являются суф-

фиксальными производными новообразованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *stъkl-ěn-ъk-a*, *doj-ъk-a*, *gos-in-a*, *mold-iv-o*, *mold-iv-a*, *skor-ъk-a* и др.), что также указывает на поздний характер формирования их ареалов.

11. Лексема распространена в некоторых восточно- и южнославянских диалектах

11.1. Лексема распространена в русских и украинских диалектах и в некоторых южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

rěn-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет довольно обширный ареал в севернорусских говорах, хотя встречается в отдельных среднерусских (псковских) и южнорусских (ryazанских и курских); в украинских диалектах она локализуется в основном в юго-западных говорах, но известна и в некоторых юго-восточных и полесских говорах; в южнославянских диалектах она имеет плотный ареал в говорах Словении и прилегающих к ним хорватских кайкавских и чакавских говорах; в сербских диалектах лексема зафиксирована в переселенческих говорах на территории Венгрии (п. 152); в македонских диалектах она встречается в говорах Эгейской Македонии и в некоторых пунктах северных говоров. Дистантный характер ареала лексемы *rěn-a* свидетельствует о том, что перед нами, скорее всего, «осколки» некогда более обширного ареала праславянского диалектизма;

kor-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских (архангельских) говорах; в украинских – в юго-западных закарпатских говорах; в македонских диалектах она имеет точечный ареал в центрально-македонских говорах (п. 100). Производная словообразовательная структура этой лексемы, вторичный характер ее значения, а также ограниченный островной ареал свидетельствуют о том, что эта лексическая корреспонденция является, скорее всего, следствием независимого параллельного развития.

11.2. Лексема распространена в русских и белорусских диалектах и в некоторых южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

vъlk-ъ к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в брянских говорах на границе с белорусскими диалектами (п. 797); в белорусских диалектах она встречается в некоторых северо-восточных, западнополесских и среднебелорусских говорах; в македонских диалектах она зафиксирована в говорах Эгейской Македонии, а также в отдельных пунктах центрально-македонских говоров (п. 97);

ov-ъc-in-a к. 24 ‘мясо барана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление

пищи»: в русских диалектах лексема имеет островной ареал в западной группе русских говоров (тверских и смоленских); в белорусских – в отдельных пунктах северо-восточных (п. 333) и юго-западных говоров (п. 365); в словенских она зафиксирована в белокраинских говорах; в сербских диалектах она имеет точечный ареал в косовско-ресавских говорах (п. 88).

zъ-got-ov-i-tь к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена в основном в западной группе говоров; в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в северо-восточных говорах, граничащих с южнорусскими диалектами (п. 360); в сербских – в говорах Боснии и Герцеговины (п. 58).

Дистантный и ограниченный характер ареалов этих лексем, имеющих чаще всего производную словообразовательную структуру или вторичное переносное значение, является свидетельством их независимого параллельного развития.

11.3. Лексема распространена в украинских и белорусских диалектах и в некоторых южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

sam-o-kyš-a к. 35 ‘простокваша’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареалы в юго-западных карпато-украинских говорах, в северо-восточных белорусских и в западных македонских;

//aj-ьс-e к. 40 dem ‘яичко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в хорватских (преимущественно чакавских и славонских) диалектах; в сербских (восточно-герцеговинских и зетских), в говорах Эгейской Македонии; а также точечные ареалы в юго-западных украинских (п. 419), белорусских (п. 336) и в западных болгарских (п. 114) говорах;

žež-ьk-ь к. 48 ‘горячий’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в говорах украинского и белорусского Полесья (п. 361, 362), а также в переселенческих сербских говорах на территории Румынии (п. 169), островной ареал в северо-западных болгарских говорах, а также разреженный ареал в говорах Македонии.

Ограниченные дистантные островные и точечные ареалы всех этих лексем являются результатом, скорее всего, независимого параллельного развития. Вместе с тем в ряде случаев, особенно тогда, когда они имеют праславянское происхождение и островные ареалы, которые локализуются в зонах архаики (в частности, в говорах Полесья или в юго-западных карпато-украинских говорах или севернорусских говорах) нельзя исключить и возможность сохранения тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей (ср., например, ареал лексемы *rěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

12. Лексема распространена в некоторых восточнославянских диалектах, в юнославянских и в некоторых западнославянских

Лексема имеет ограниченный ареал в некоторых восточно- и западнославянских диалектах и обширный в юнославянских.

Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение лексем:

//*aj-ьс-e* к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в юнославянских диалектах, а также в чешских, в западно- и среднеславянских, кроме того, она плотно покрывает территорию украинских диалектов и имеет островной ареал в белорусских (полесских и юго-западных) говорах и в польских силезских говорах (пп. 307, 308);

ust-a к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию южной Славии, имеет островные ареалы в западно- и среднеславянских говорах, а также в западных чешских говорах и дискретный ареал в польских диалектах; в восточнославянских диалектах у нее отмечены микроареалы в украинских говорах (пп. 421, 504), в севернорусских (костромских пп. 689, 709), среднерусских (тверских п. 698, псковских п. 691) и южнорусских (брянских п. 811) говорах.

Индоевропейский характер корневых морфем этих лексем, а также их обширный ареал, охватывающий диалекты всех трех славянских языковых групп, свидетельствует о том, что эти лексические параллели являются осколками тех древних диалектных соответствий, которые сложились еще в праславянскую эпоху.

13. Лексема распространена в некоторых восточнославянских, в некоторых юнославянских и в некоторых западнославянских диалектах

13.1. Лексема распространена в русских и белорусских диалектах, а также в некоторых западно- и юнославянских, ср. распространение следующих лексем:

tel-ѣt-j-e (subst) к. 23 ‘мясо теленка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в севернорусских (архангельских) говорах; точечный – в белорусских западнополесских говорах (п. 362); в польских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах мазовецких и кашубских говоров; в чешских диалектах эта лексема распространена практически повсеместно; в сербских и хорватских диалектах она имеет точечные ареалы: в хорватских – в чакавских переселенческих говорах на территории Австрии (п. 148а); в сербских – в переселенческих говорах на территории Румынии (п. 169). Праславянский характер основы этой лексемы, ее дистантные островные и точечные ареалы говорят о том, что эти соответствия могут быть

свидетельством независимого сохранения общего архаического фонда;

(špek)-ъ к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет широкое распространение в севернорусских (архангельских, вологодских) и в западной группе среднерусских говоров (новгородских и тверских); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте северо-восточных говоров (п. 348); в польских диалектах лексема имеет дискретный ареал и встречается в кашубских, великопольских, мазовецких и силезских говорах; в словенских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в хорватских диалектах она встречается в отдельных пунктах кайкавских и чакавских говоров, а также в говорах Боснии и Герцеговины. Ограниченный ареал этой лексемы, заимствованной из немецкого языка (< нем. Speck), в некоторых восточнославянских и западнославянских диалектах и обширный ареал в словенских является свидетельством поздней инновации, связанной с ее освоением.

13.2. Лексема распространена в русских и украинских диалектах, а также в некоторых западно- и южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

lusk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских, украинских, польских, хорватских и болгарских диалектах лексема имеет точечные ареалы: в русских диалектах – в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526) и в южнорусских калужских говорах (п. 789); в украинских диалектах – в полесских говорах (п. 418); в польских – в говорах Силезии (п. 288); в болгарских диалектах – в северо-восточных говорах (п. 128); в хорватских диалектах – в отдельных славонских (пп. 52, 151), а также – в говорах Боснии и Герцеговины (п. 51), кроме того, она имеет довольно плотный ареал в сербских (особенно в шумадийско-воеводинских) говорах;

pol-u-dъn-e, pol-ъ-dъn-e к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских (рязанских) говоров (пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); в польских диалектах она распространена в некоторых кашубских, великопольских и малопольских говорах; в словацких диалектах лексема имеет островной ареал в западнословацких говорах; в болгарских диалектах она широко распространена в северо-восточных говорах, а также в некоторых юго-восточных и западных.

Точечный характер восточнославянских ареалов этих лексем является свидетельством, скорее всего, независимого параллельного развития;

(fruštik)-ъ, (fryštik)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527); в укра-

инских диалектах она встречается в основном в юго-западных закарпатских говорах; в польских диалектах лексема имеет обширный ареал в кашубских, мазовецких и великопольских говорах; в словацких и словенских диалектах она плотно покрывает всю их территорию; в хорватских диалектах лексема встречается в отдельных кайкавских говорах; в сербских диалектах она имеет обширный ареал в шумадийско-воеводинских и косовско-ресавских говорах. Ограниченный ареал этой лексемы, заимствованной из немецкого языка (< нем. Frühstück), в восточнославянских диалектах и довольно плотный в словацких, словенских и сербских является свидетельством поздней инновации, связанной с ее освоением.

13.3. Лексема распространена в украинских и белорусских диалектах, а также в некоторых западно- и южнославянских, ср. распространение следующих лексем:

тыlstъ к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет небольшие островные ареалы в белорусских диалектах и плотные в украинских (полесских) и карпаго-украинских говорах; она практически полностью покрывает территорию польских и чешских диалектов; частично – западно- и восточнословацких; имеет плотный ареал в болгарских диалектах и островной в хорватских чакавских и словенских диалектах;

//*ёд-l-o* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет довольно обширный ареал в говорах Правобережной Украины (юго-западных и полесских) и точечный в белорусских (полесских п. 362); кроме того, она практически полностью покрывает территорию Чехии и Словакии и имеет обширные ареалы в сербских, хорватских и польских диалектах.

Индоевропейский характер основ этих праславянских лексем, локализация которых наблюдается в диалектах всех трех славянских языковых групп, говорит о тех древних диалектных связях славянских языков, которые оказались разрушенны их многовековой историей;

тиc-ьnъ к. 26 ‘содержащий много жира’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареалы в среднебелорусских говорах (пп. 397, 398), в юго-западных украинских (пп. 427, 469), в словенских (п. 149) и в западной группе македонских говоров (пп. 90, 92); кроме того, она имеет островные ареалы в чешских диалектах, в средне- и восточнословацких, а также плотный ареал в лужицких диалектах;

tel-qt-j-im-a к. 23 ‘мясо теленка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в белорусских (среднебелорусских и юго-западных) диалектах и в украинских (юго-западных пп. 433, 500 и юго-восточных п. 492) говорах; кроме того, она покрывает практически всю территорию Словакии и имеет микроареал в ляпских чешских говорах (пп. 202,

203); в южнославянских языках эта лексема имеет островной ареал в сербских диалектах (в смедеревских и косовско-ресавских);

vol-ov-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченные ареалы в украинских (юго-западных, полесских и юго-восточных) говорах, а также в белорусских (среднебелорусских и юго-западных); обширный ареал в польских (особенно в малопольских) говорах и микроареалы в словенских (п. 11) и хорватских чакавских говорах.

Как видно из приведенного материала, восточнославянский ареал этих лексических корреспонденций является чаще всего ограниченным – островным или точечным. При этом в зоне ареальных контактов находятся преимущественно украинские и белорусские диалекты, причем в основном это зоны архаики – полесские и юго-западные карпатские говоры.

Статус этих ареалов является разным, так как они могут быть как отражением тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей (например, ареал лексем *luska*-*a*, //ɛd-l-o, *tъlst-ъ*, *tuč-ъn-ъ*), так и свидетельством независимого сохранения общего архаического фонда (например, *tel-qt-j-e*, *tel-qt-j-in-a*), параллельного развития (например, *pol-u-dbn-e*, *pol-ъ-dbn-e*, *vol-ov-in-a*) или поздней инновации, связанной с освоением заимствованного слова (например, (*špek*)-*ъ*, (*fruštik*)-*ъ*, (*fryštik*)-*ъ*). В каждом конкретном случае важную роль играет характер ареала, его локализация, масштаб, конфигурация, общее направление изоглоссы и, конечно, языковые параметры самой лексемы (ее словообразовательная структура, этимология и значение).

14. Лексема распространена в диалектах только восточнославянских языков и не выходит за их пределы

14.1. Лексема полностью покрывает территорию восточной Славии.

Лексема в своем распространении не имеет каких-либо территориальных ограничений, так как она равномерно покрывает всю или практически всю восточнославянскую территорию и не выходит за ее пределы, ср., например, локализацию лексем:

skor-o-lup-a, *skor-o-lup-ъk-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-kaž-e-tь* к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек».

Плотный ареал этих лексем, имеющих праславянское происхождение, свидетельствует о том, что он сформировался еще до распада восточнославянского языкового единства, т.е. является древним восточнославянским диалектизмом.

14.2. Лексема имеет обширный ареал в русских диалектах и ограниченный в украинских и белорусских. Такой ареальный сценарий встречается довольно часто, ср. распространение следующих лексем:

vorn-ъk-a к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно, в украинских и белорусских она имеет островные ареалы: в украинских диалектах лексема *vorn-ъk-a* зафиксирована в отдельных пунктах среднеподнепровских говоров (п. 510), а также в украинских переселенческих говорах на территории Румынии (п. 171); в белорусских диалектах она локализуется в некоторых северо-восточных говорах, граничных с русскими диалектами (пп. 328, 335);

gъrb-иѣ-ъk-a к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 17): в русских диалектах лексема распространена повсеместно; в белорусских она спорадически встречается в северо-восточных говорах, западнополесских и среднебелорусских; в украинских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах полесских, юго-западных и юго-восточных говоров;

rěn-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она локализуется преимущественно в северо-восточных говорах, в пунктах, граничных с русскими диалектами, кроме того, она встречается в отдельных среднебелорусских и западнополесских говорах; в украинских диалектах лексема распространена в основном в юго-восточных говорах; кроме того, она фиксируется в некоторых полесских и юго-западных говорах;

prost-o-kvaš-a к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет широкое распространение; в белорусских она ареально ограничена северо-восточными говорами; в украинских диалектах эта лексема спорадически встречается в восточнопольесских и юго-восточных степных говорах;

sъ-liv-ъk-u к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, граничных с русскими диалектами, а также в отдельных среднебелорусских говорах; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в юго-восточных говорах, а также в отдельных полесских и юго-западных;

ob-čist-ъk-u к. 51 ‘кожура, снятая со старой картопки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена практически повсеместно; в белорусских диалектах она имеет точечный ареал в граничном пункте северо-восточных говоров (п. 334); в украинских лексема отмечена в отдельных пунктах полесских говоров (пп. 424, 446);

pol-u-dъn-ik-ъ, pol-ъ-dъn-ik-ъ к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет обширный, хотя и дисперсный ареал; в белорусских диалектах она встречается в некоторых пунктах западнополесских, юго-западных и северо-восточных говоров; в украинских лексема имеет точечный ареал в степных говорах (п. 519);

sъ-kaz-ъk-a к. 77 ‘сказка’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в русских диалектах, тогда как в белорусских она локализуется в основном в северо-восточных говорах, а также в некоторых полесских; в украинских диалектах она имеет микроареалы в полесских (п. 445) и в юго-западных говорах (пп. 433, 472).

В этом ареальном сценарии нередко наблюдаются такие ситуации, когда в украинских диалектах лексема вообще отсутствует, ср., например, распространение лексем:

//*už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет сплошной ареал в русских диалектах; в белорусских она зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 350, 400), находящихся в зоне пограничных контактов с русскими диалектами;

//*už-in-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет сплошной ареал в русских диалектах, тогда как в белорусских она имеет островной ареал в северо-восточных говорах, пограничных с русскими диалектами.

Все эти лексемы являются собственно русскими суффиксальными производными от праславянских основ. Они имеют, как правило, плотный ареал в русских диалектах, тогда как их распространение в украинских и белорусских диалектах ограничено зонами приграничных контактов: в белорусских диалектах это чаще всего северо-восточные говоры, граничащие с Россией, а в украинских – юго-восточные или восточно-полесские. Совершенно очевидно, что существование этих лексем в отдельных украинских и белорусских говорах связано с влиянием русских диалектов.

Такой характер ареалов этих лексем, границы которых, как правило, совпадают с государственной границей России, свидетельствует о довольно позднем их образовании. О том, что эти ареалы сформировались поздно, по-видимому, уже в рамках собственной истории русского языка, говорят не только очертания их границ, но и памятники древнерусской письменности, так как многие из этих лексем либо вообще в них не фиксируются (как, например, лексемы *gъrb-uš-ъk-a, pěn-ъk-a, prost-o-kvaš-a, ob-čist-ъk-y, ob-šib-e-tъ sę*), либо фиксируются в ином значении (например, **съказъка** ‘отчет, донесение’ XVI–XVII в. Шапошников 2010: 324) или довольно поздно. Так, в частности, первая фиксация лексемы *vogn-ъk-a* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ относится к XVI в. (ср. следующий пример из Словаря русского языка XI–XVII вв. 3:33: **воронка** ‘конусовидное приспособление

для переливания жидкости в сосуд с узким горлом, воронка⁷: **Се нарицаютъ лнем или воронкою**, Назиратель XVI в.). Примечательно, что упоминаемое в этом контексте древнее славянское слово *lij-ь*, *lij-a* в русских диалектах не сохранилось, но встречается еще в словенских. Приблизительно к этому периоду относится и фиксация в словарях лексем //už-in-ъ, //už-in-a-j-e-tъ (см. Черных II: 285); к XVIII в. – фиксация лексем *ль-liv-ъk-u* и *rěn-ъk-a* (Шапошников 2010: 117, 334).

14.3. Лексема имеет ограниченный ареал в русских и белорусских диалектах и обширный в украинских.

Такой ареальный сценарий встречается не часто, причем ареал в украинских диалектах не отличается высокой плотностью, хотя он может быть довольно обширным, ср. распространение следующих лексем:

lušp-aj-ъk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: центр ареала этой лексемы лежит в говорах Правобережной Украины, однако она имеет довольно заметные «выбросы» в полесские и юго-восточные говоры; в русских диалектах эта лексема зафиксирована лишь в единичном пункте курских говоров (п. 837); в белорусских диалектах она отмечена в отдельных пунктах юго-западных, западнополесских и среднебелорусских говоров;

vy-škvar-ъk-u к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: строго говоря, лексема составляет характерную особенность украинских говоров, где она имеет обширный ареал в говорах Левобережной Украины, поскольку в русских и белорусских диалектах она встречается спорадически: в русских диалектах – в отдельных пунктах архангельских и брянских говоров; в белорусских – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 391);

kys-ыl-j-ak-ъ к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема составляет принадлежность в основном украинских диалектов, в которых она имеет широкое распространение, особенно в юго-восточных говорах, а также в некоторых юго-западных и полесских; в белорусских диалектах эта лексема ареально ограничена и встречается в отдельных среднебелорусских, юго-западных и западнополесских говорах; в русских диалектах она зафиксирована лишь в единичном пункте южнорусских говоров (Белгор. п. 838);

vыr-ъk-u к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема характерна в основном для украинских диалектов, в которых она имеет широкое распространение; в русских диалектах она образует островные ареалы в севернорусских (вологодских и ярославских) говорах и в южнорусских (брянских и курских); в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах и спорадически встречается в западнополесских, в

юго-западных и в среднебелорусских говорах.

Локализация ареалов всех этих лексем, которые являются собственно украинскими суффиксальными производными от праславянских основ, говорит о том, что они появились в результате междиалектных контактов, причем центром их иррадиации являются говоры Украины, откуда они распространялись чаще всего в приграничные с ними южнорусские (особенно брянские) и белорусские диалекты. Очертания границ этих ареалов свидетельствует о том, что они сформировались довольно поздно, уже в рамках собственной истории украинского языка.

14.4. Лексема имеет ограниченный ареал в русских и украинских диалектах и обширный в белорусских. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср., например, локализацию лексемы *smag-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема составляет принадлежность в основном белорусских диалектов, в которых она имеет широкое распространение; в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте брянских говоров (п. 797), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена в основном в полесских говорах, но встречается в отдельных пунктах юго-западных (п. 500) и юго-восточных говоров (пп. 478, 492).

Такой характер ареала этой лексемы свидетельствует о том, что он сформировался довольно поздно в процессе междиалектных контактов восточнославянских языков, причем в роли языка-донора выступали белорусские диалекты.

14.5. Лексема имеет ограниченный ареал в украинских диалектах и обширный в русских и белорусских, ср. распространение следующих лексем:

kold-ez-b, *kold-ъz-b* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 18): лексема плотно покрывает территорию русских и белорусских говоров, тогда как в украинских она имеет дискретный ареал в говорах Полесья и Левобережной Украины, так как наряду с ней широко распространены лексемы *stud-ъn-j-a*, *stud-ъn-ъj-a*, *krin-ic-a*, *krypn-ic-a*. Сходный ареал имеет лексема *rъt-j-ъk-y* к. 55 ‘почка’ т. 9 «Человек»;

//*ěd-a* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в русских и белорусских диалектах, тогда как в украинских он является разреженным, так как наряду с этой лексемой широкое распространение получили лексемы //*ěd-j-a*, //*ěd-l-o*, //*ěd-J-en-ъj-e* и *sъ-trav-a*,

šeg-ъ к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек»: лексема имеет плотный ареал в русских и белорусских говорах, а в украинских она распространена в основном в говорах Левобережной Украины, тогда как в Правобережье широко распростране-

ны лексемы *krok-ъ* и *stop-en-ъ*.

Такой характер ареалов всех этих лексем, которые являются собственно восточнославянскими диалектизмами, свидетельствует о том, что в украинских диалектах в процессе их языковой эволюции они подверглись разрушению.

14.6. Лексема имеет ограниченный ареал в русских диалектах и обширный в украинских и белорусских.

Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение лексемы *pol-u-dъп-ъ* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: ареал этой лексемы локализуется в пограничье украинских, белорусских и западной группы русских говоров. Такой характер ареала лексемы *pol-u-dъп-ъ*, отсутствие ее в древнерусских памятниках письменности в этом значении являются убедительным свидетельством того, что он сложился довольно поздно, в процессе междиалектных контактов, причем в роли языка-реципиента выступали русские говоры.

14.7. Лексема имеет ограниченный ареал и в русских, и в украинских и в белорусских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается чаще всего, ср. распространение следующих лексем:

plěn-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в русских диалектах (Брян. п. 813); в юго-западных украинских (п. 498); в северо-восточных белорусских (п. 328);

syr-o-kvaš-a к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в западной группе южнорусских, а также среднерусских говоров; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, граничных с русскими диалектами, кроме того, она встречается в некоторых среднебелорусских говорах; в украинских диалектах эта лексема отмечена в некоторых полесских и юго-восточных говорах;

še-lup-aj-ъk-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена преимущественно в западной группе южнорусских – брянских и курских говоров; в белорусских диалектах она локализуется в основном в среднебелорусских говорах и в отдельных пунктах северо-восточных говоров; в украинских диалектах лексема имеет островной ареал в полесских говорах;

še-lup-ъk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картопки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема отмечена лишь в отдельных пунктах южнорусских смоленских говоров; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах и спорадически встречается в среднебелорусских; в украинских диалектах эта лексема

ма представлена в некоторых полесских говорах;

še-lup-aj-ъk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских брянских говорах; в белорусских диалектах она распространена преимущественно в среднебелорусских и примыкающих к ним с юга северо-восточных говорах; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в говорах Полесья, но встречается и в среднеподнепровских говорах;

pol-u-dъn-ь, pol-ъ-dъn-ь к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема зафиксирована лишь в отдельных пунктах южнорусских смоленских говоров, пограничных с белорусскими диалектами; в белорусских диалектах она распространена в основном в юго-западных и северо-восточных говорах; в украинских диалектах лексема локализуется преимущественно в полесских и юго-западных говорах.

Островной характер ареалов всех этих лексем, а также отсутствие их в древнерусских памятниках письменности в зафиксированном значении являются убедительным свидетельством того, что их ареалы сформировались довольно поздно, в процессе междиалектных контактов.

15. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах

15.1. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых западнославянских диалектах, ср. распространение лексем:

tuk-ъ к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в говорах севернорусского наречия и имеет точечный ареал в лужицких диалектах (п. 234). Кроме того, она подтверждается данными древнерусских памятников письменности (ср. *ту́къ* ‘сало, жир’ Срезн. III: 1036). Этимологически лексема связана с глаголом *tyti ‘жиреть, тучнеть’ (Преображенский III: 12), родственно лит. *táukas* ‘кусок сала’, лит. *tūkti* ‘тучнеть, жиреть’ (Фасмер IV: 116). Праславянский характер этой лексемы, до сих пор сохраняющей связь с этимологическим значением, ее дистантные островные ареалы свидетельствуют о том, что эти соответствия могут быть свидетельством независимого сохранения общего архаического фонда;

ob-škvar-ъk-y, ob-skvar-ъk-y к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечные ареалы в отдельных пунктах севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских (Новг. п. 637; Иван. п. 705) говоров. Кроме того, она имеет обширный ареал в чешских диалектах – в собственно чешских говорах, в моравских и в некоторых ляшских; в словацких диалектах она распространена

в основном в западнословацких говорах; в польских диалектах лексема отмечена лишь в единичном пункте малопольских говоров (п. 310). Разорванные ареалы этой лексемы в русских и западнославянских диалектах, вторичный характер ее словообразовательной структуры свидетельствуют о том, что это позднее независимое параллельное развитие;

//*ēd-iv-o* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема образует точечный ареал в архангельских говорах (п. 596). Кроме того, она имеет небольшие островные ареалы в западнословацких (пп. 210, 213), среднесловацких (пп. 223, 224) и восточнословацких говорах (п. 225). Производный характер лексемы, имеющей древний праславянский корень, а также микроареалы в русских и словацких диалектах свидетельствуют о том, что это, по-видимому, позднее независимое параллельное образование.

15.2. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах, но при этом находит продолжение в западно- и в южнославянских диалектах. Этот ареальный сценарий встречается довольно редко, ср. распространение лексемы *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет плотный ареал в северорусских и в западной группе среднерусских говоров; кроме того, она широко распространена во всех западно- и южнославянских диалектах. Обширный, а главное континуальный ареал этой лексемы является свидетельством того, что перед нами праславянский диалектизм, ареал которого сформировался в глубокой древности, но в дальнейшем подвергся разрушению.

15.3. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах, но при этом находит продолжение в западнославянских и в некоторых южнославянских диалектах, ср. распространение лексемы (*traxter*-ъ) к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в русских диалектах (в среднерусских псковских говорах п. 605, а также в русских старожильческих говорах в Эстонии п. 527); обширный – в западнославянских: сплошной ареал в чешских и лужицких диалектах и островной – в польских (кашубских, силезских, в отдельных мазовецких и великопольских говорах) и в западнословацких говорах; в южнославянских языках она образует островные ареалы в словенских и в хорватских диалектах и точечный – в сербских (п. 38). Заимствованный характер этой лексемы (из др.-в.-нем. *trahter*, *tr̥htere*) свидетельствует о том, что этот ареал сформировался достаточно поздно в результате междиалектных контактов в процессе освоения этого иноязычного слова.

15.4. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

kor-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема образует обширные ареалы в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, кроме того, она широко распространена в хорватских, сербских и болгарских диалектах. Эти сепаратные ареальные связи русских диалектов находят продолжение в представленных на той же карте эксклюзивных лексемах *kor-in-a* и *kor-ъk-a*, известных также преимущественно в севернорусских говорах.

Обширные дистантные ареалы этой лексемы, имеющей и.-е. корень (и.-е. **ker-* в значении ‘резать’) и сохраняющей соотношение с исходным этимоном («обозначение коры, шкуры как чего-то срезанного, содранного вполне регулярно ономасиологически» ЭССЯ 11: 45), являются иллюстрацией тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор существуют в славянских диалектах;

svin-qt-in-a, *svin-j-qt-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в некоторых западных русских говорах (новгородских п. 634 и брянских п. 797); кроме того, микротоны этой лексемы зафиксированы в словенских (горенских п. 9) и македонских (в северномакедонских п. 93) диалектах, при этом она широко распространена в сербских диалектах;

pors-qt-in-a к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет островные ареалы в севернорусских ладого-тихвинских и вологодских говорах; точечные ареалы в среднерусских новгородских (п. 656) и южнорусских смоленских (п. 762) говорах; кроме того, микротоны этой лексемы зафиксированы в зетских говорах сербских диалектов (п. 75);

ov-ъc-qt-in-a к. 24 ‘мясо барана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских новгородских говорах (п. 632); однако она широко известна в сербских диалектах, в штаерских говорах словенских диалектов и в северномакедонских говорах;

//uz-in-a-j-e-tb к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет лишь островной ареал в севернорусских архангельских говорах; однако она хорошо известна в словенских и хорватских диалектах, кроме того, встречается в некоторых сербских и болгарских говорах;

žyl-j-ak-ъ к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте архангельских говоров (п. 549); кроме того, она имеет островные ареалы в словенских штаерских, паннонских и прекмурских говорах и точечный – в

сербских призренско-тимокских говорах (п. 83);

sold-ъk-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских архангельских и среднерусских владимирско-поволжских говорах; кроме того, она широко распространена в сербских, македонских и болгарских диалектах.

Ареалы всех этих лексем (за исключением лексемы *kor-a*) являются иллюстрацией независимого параллельного развития, на что указывает, с одной стороны, ограниченный характер их ареала в русских диалектах (микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени), а с другой – вторичность их словообразовательной структуры, что само по себе является значимым фактом, так как лексемы, структура которых в словообразовательном отношении «является прозрачной, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122).

15.5. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых западно- и южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

kraj-ъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема образует точечные ареалы в русских (севернорусских Арх. п. 578 и среднерусских Твер. п. 715) и в среднеславянских диалектах (п. 216); в хорватских она формирует латеральный ареал в чакавских (п. 37) и икавских (п. 45) говорах; в сербских диалектах лексема образует островные ареалы в говорах Черногории и Сербии;

Несмотря на то, что лексема имеет островные, а иногда и точечные ареалы в русских, сербских, хорватских и словацких диалектах, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трех славянских языковых группах. Кроме того, лексема представляет собой непроизводную основу, на базе которой возникли многочисленные дериваты, расширяющие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ух-а*, *kraj-иš-ък-ъ*; рус.-блр. *kraj-иš-ък-а*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ъс-ь*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ъс-ь*; блр.-укр. *ob-kraj-ъс-ик-ъ*; хрв.-укр. *stъ-kraj-ъс-ь*; серб.-плс. *stъ-kraj-ък-а*; слн.-слц. *kraj-ик-ъ*; чеш.-слц. *kraj-ič-ък-ъ*; серб.-мак. *kraj-ък-а*; мак.-блг. *kraj-itj-ън-ик-ъ*, *kraj-ъс-е* и т.д. Значение этой лексемы, образованной от глагола *krojiti (ЭССЯ 12: 88), является первичным, т.е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва» (Фасмер II: 364; Черных I: 438; Преображенский I: 376), что в соответствии с теорией лингвогеографии является признаком архаизма;

skor-ъ-а к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема представлена лишь в единичных пунктах западной группы среднерусских (Пск. п. 628) и южнорусских (Курск. п. 823) говоров; кроме того, лексема зафиксирована в польских диалектах: ее ареал локализуется в основном в кашубских говорах,

а также в отдельных пунктах силезских говоров; в словенских диалектах лексема имеет точечный ареал в прекмурских говорах (п. 21);

kož-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в архангельских говорах (пп. 532, 535), однако она широко распространена в западнославянских и в среднеславянских диалектах; кроме того, она отмечена в чешских и лужицких диалектах; точечные ареалы этой лексемы встречаются в некоторых южнославянских диалектах – в хорватских (славонских п. 40 и чакавских п. 148а), в сербских переселенческих говорах в Румынии (п. 168) и в македонских (п. 105);

kož-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема локализуется в основном в севернорусских (архангельских и костромских) и среднерусских (владимирско-половецких) говорах, хотя иногда встречается и в южнорусских (рязанских и тульских). Кроме того, она распространена в некоторых чешских диалектах (в ляшских говорах), а также имеет островные ареалы в болгарских диалектах (в северо- и юго-восточных говорах) и точечный ареал в хорватских переселенческих говорах на территории Венгрии (п. 150).

Ареалы лексем *skor-j-a* и *kož-a* являются свидетельством, скорее всего, независимого типологически сходного образования. На это указывает, с одной стороны, островной характер их ареалов в славянских диалектах, а с другой – вторичность их значения (исходное значение лексемы *kož-a* было связано с посессивной семантикой ‘козья (шкура)’ < *kozja – (ЭССЯ 12: 36)).

Лингвогеографический анализ сепаратных русско-западнославянских и южнославянских корреспонденций свидетельствует о том, что они в подавляющем большинстве представлены микроареалами (островными, а иногда и точечными) и только лишь в некоторых случаях (когда их изоглоссы простираются в южнославянские или в западно- и южнославянские диалекты) их ареалы становятся довольно обширными (ср., например, распространение лексем *tuk-ъ* к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’; *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn'-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’; *kor-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’).

Понятно, что эти сепаратные соответствия будут иметь разную интерпретацию. Обширные, а главное континуальные ареалы лексем, имеющих праславянский корень, являются иллюстрацией тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор сохраняются в славянских диалектах. Тогда как микроареалы большинства соответствий являются свидетельством, скорее всего, независимого типологически сходного развития.

Вместе с тем следует отметить, что в локализации и тех, и других соответствий прослеживается определенная повторяемость, поскольку они концентрируются в основном в севернорусских (архангельских и вологодских) и в отдельных среднерусских (главным образом, в псковских и новгородских)

говорах. При этом в некоторых говорах фиксируются изоглоссы только с западнославянскими диалектами (особенно часто в вологодских пп. 602, 618, 622, 645; и костромских пп. 647, 671, 673, 707), а в некоторых – только с южнославянскими (особенно в архангельских пп. 536, 549, 553, 570, 571; и вологодских пп. 567, 617, 621, 643). Другая особенность этих сепаратных схождений заключается в том, что русско-южнославянские сепаратные изоглоссы заходят в западную группу южнорусских диалектов (в частности, в смоленские и брянские говоры), чего не наблюдается в русско-западнославянских корреспонденциях (см. карты-схемы 19–20).

16. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в русских диалектах и не выходит за их пределы

Большинство этих эксклюзивных русских лексем не имеет обширных ареалов⁵, однако среди них встречаются и такие, которые широко известны в русских диалектах, особенно в северно- и среднерусских говорах, ср., например, распространение лексем:

bēl-uş-ь к. 42 ‘белая часть яйца’, *žyl-uş-ь* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: обе лексемы широко распространены в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских, костромских, ярославских) и среднерусских говорах (владимирско-поволжских и новгородских);

sъ-kos-ып-ь к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширные островные ареалы в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских, костромских, ярославских), в среднерусских говорах (владимирско-поволжских, новгородских и тверских) и небольшой ареал в южнорусских (тамбовских) говорах;

kold-a к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в севернорусских (архангельских, вологодских, костромских, ярославских) говорах и островной ареал в среднерусских (владимирско-поволжских и новгородских) говорах;

prost-o-kyş-a к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских) и среднерусских (новгородских, тверских) говорах;

ob-şur-ьk-u к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в севернорусских (архангельских, вологодских) и среднерусских (владимирско-поволжских) го-

⁵ Полный список этих эксклюзивных лексем см. в монографии Т.И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте». М., 2009.

ворах;

korv-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских) и среднерусских (новгородских, псковских, тверских) говорах, но встречается и в некоторых южнорусских (смоленских, брянских);

ra-už-yn-a к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в севернорусских (архангельских, вологодских, костромских, ладого-тихвинских) говорах.

Вторичный характер словообразовательной структуры этих эксклизивных русских лексем является свидетельством позднего формирования их ареалов. Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как в большинстве своем данные лексемы **либо отсутствуют в памятниках древнерусской письменности** (ср., например, такие лексемы, как *ra-už-in-ъ*, *ra-už-in-a*, *ra-už-in-ъk-a*, *ra-už-in-ъk-y*, *ra-už-in-ъk-ъ*, *ra-už-yn-a* ‘еда между обедом и ужином, полдник’, *korv-in-a* ‘мясо коровы или вола’, *běl-yš-ъ* ‘белая часть яйца’, *žylt-yš-ъ* ‘желтая часть яйца’), **либо фиксируются в ином значении** (ср. *kold-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ и др.-рус. **колода** ‘толстое бревно’ Срезн. I: 1255). Все это свидетельствует о том, что ареалы этих эксклизивов сформировались довольно поздно, т.е. являются продуктом собственной истории русского языка.

17. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в белорусских диалектах

17.1. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в белорусских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых западнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

kortm-y-sl-a к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет довольно плотный ареал в белорусских диалектах (особенно в северо-восточных и среднебелорусских) и островной ареал в польских, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (пп. 247, 252, 268, 324);

žylt-ъk-o к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах западных говоров (пп. 336, 337), однако она широко распространена в польских диалектах, в моравских и ляпских говорах чешских диалектов, а также в западно- и среднесловацких говорах;

nos-i-dl-a, *nos-i-dl-ъk-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. б «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексемы имеют микроареалы в северо-восточных (пп. 332, 340) и среднебелорусских

диалектах (п. 331) и довольно обширные ареалы в польских (особенно в малопольских и мазовецких), а также в говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

skvar-ъč-ък-ъ к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 400), однако она хорошо известна в малопольских говорах;

var-i-tь sę к. 47 ‘кипит’ (вода) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема имеет точечный ареал в западных говорах (п. 336), при этом она широко известна в лужицких и чешских диалектах.

Ареалы этих сепаратных белорусско-западнославянских соответствий свидетельствуют о том, что они образовались в результате междиалектных контактов в основном белорусских и польских говоров. Вместе с тем нельзя исключить, что ареал лексемы *var-i-tь sę* ‘кипит’ может быть иллюстрацией тех древних трансдиалектных связей, которые продолжают отношения исходной системы и до сих пор сохраняются в славянских диалектах. Об этом говорит дистантный характер ареала этой лексемы, имеющей и.-е. корень и сохраняющей соотношение с исходным этимоном (ср. и.-е. *wer-, *wor-, *wr- ‘бурлить, кипеть’).

Примечательно, что большинство ареалов в белорусских диалектах являются островными или даже точечными, что свидетельствует о том, что белорусские диалекты выступали чаще всего в роли языка-реципиента, тогда как обратные случаи встречаются реже (ср., например, распространение лексемы *korm-y-sl-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’).

17.2. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в белорусских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых западно- и южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

svin-et-j-in-a к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 399); кроме того, она встречается в некоторых западно- и среднеславянских говорах, а также в призренско-тимокских говорах Сербии (п. 86);

sъ-met-an-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в среднебелорусских говорах (п. 346) и в малопольских (п. 322); островной ареал в кашубских диалектах и довольно плотный – в словенских и болгарских диалектах;

u-got-ъv-i-tь к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 357); при этом она широко распространена в польских диалектах и имеет островной ареал в западных болгарских говорах.

Эти сепаратные лексические соответствия, представленные производными лексемами с праславянскими основами в диалектах всех трех славянских языковых групп, являются, скорее всего, иллюстрацией сохранения лексического архаического фонда или независимого параллельного развития.

17.3. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в белорусских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых юнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

lup-in-ъk-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 339), а также островной ареал в хорватских кайкавских говорах;

lušč-in-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема имеет точечный ареал в западных говорах (п. 336), кроме того, она хорошо известна в словенских диалектах и имеет точечный ареал в хорватских (кайкавских п. 29) говорах;

kor-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в северо-восточных белорусских говорах (п. 335) и довольно плотный ареал в хорватских и сербских диалектах;

lup-ov-in-j-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема зафиксирована в некоторых юго-западных говорах (пп. 354, 375); кроме того, она имеет точечный ареал в западных болгарских диалектах (п. 115);

pol-u-dъn-ь-ov-a-j-e-tъ, *pol-dъn-ь-ov-a-j-e-tъ* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в белорусских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских (п. 338) и северо-восточных говорах (п. 352); при этом она встречается в некоторых македонских диалектах и широко распространена в болгарских.

Ареалы всех этих сепаратных белорусско-южнославянских лексических соответствий говорят о том, что, скорее всего, это независимое параллельное развитие, о чем свидетельствует островной, а передко и точечный характер их ареалов. Вместе с тем нельзя исключить, что некоторые из них (в частности, лексема *kor-a*) могут быть сохранением архаического фонда.

Лингвогеографический анализ сепаратных лексических корреспонденций белорусских диалектов показал, что их ареалы имеют четко выраженную локализацию, так как они находятся в основном в северо-восточных и среднебелорусских говорах, значительно реже – в юго-западных, хотя именно в юго-западных говорах отмечается повышенная концентрация белорусско-западнославянских изоглосс (особенно в пп. 336, 337). При этом и в северо-восточных, и в среднебелорусских, и в юго-западных говорах преобладают корреспонденции с западнославянскими диалектами. Связи с южнославянскими диалектами менее выразительны, они характерны в основном для среднебе-

лорусских и юго-западных говоров. В связи с этим особо следует выделить те пункты, в которых отмечены соответствия только с юнославянскими диалектами: это два пункта в юго-западных белорусских говорах пп. 354, 375; два пункта в северо-восточных – пп. 335, 352 на границе с русскими диалектами и один пункт в среднебелорусских говорах – п. 339 (см. карту-схему 21).

18. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в белорусских диалектах и не выходит за их пределы

Большинство белорусских эксклюзивов не имеет обширных, ярко выраженных ареалов, позволяющих говорить о своеобразии тех или иных говоров, что их отличает от русских эксклюзивных лексем. Как правило, это островные или даже точечные ареалы, которые чаще всего встречаются в среднебелорусских говорах, ср. распространение следующих лексем:

nē-sъ-čet-ъn-ъ к. 3 ‘пустой’ (о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема локализуется в некоторых среднебелорусских говорах, а также в отдельных юго-западных и западнополесских (пп. 376, 395);

tъśč-ъ к. 3 ‘пустой’ (о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в среднебелорусских говорах (пп. 331, 338) и точечный – в северо-восточных (п. 340);

vъ-lěj-ъk-a к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в западнополесских говорах (п. 382);

prag-a, praž-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в среднебелорусских (п. 338) и юго-западных (п. 354) говорах;

sъ-dor-ъ, sъ-der-ъ к. 27 ‘под кожейный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в северо-восточных (п. 332), юго-западных (п. 345) и западнополесских (п. 363) говорах;

sъ-dor-ъ к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в северо-восточных (п. 350) и среднебелорусских (п. 357) говорах;

lup-aј-ъk-u к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема локализуется в основном в юго-западных и среднебелорусских говорах;

še-lup-in-у к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в северо-восточных (пп. 332, 340, 348) и точечный в среднебелорусских (п. 331) говорах;

še-lup-ax-u к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в северо-восточных (п. 379) и среднебелорусских (п. 393) говорах;

ob-terb-ъk-y к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в северо-восточных говорах.

Лексемы, выделяющие белорусские говоры на всем пространстве Славии и имеющие при этом ярко выраженные **обширные ареалы, встречаются крайне редко**, ср., например, распространение таких лексем, как:

tъst-ost-ь к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет довольно плотный ареал в юго-западных белорусских диалектах и островной в среднебелорусских (пп. 331, 338);

var-j-a-j-e-tь к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в северо-восточных и среднебелорусских говорах.

Такой характер ареалов белорусских экспозитивных лексем является свидетельством их сравнительно позднего образования, так как в соответствии с теорией лингвогеографии, микроареалы являются территориальными величинами позднего времени, поскольку рецензируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

19. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах

19.1. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах, но при этом находит продолжение во всех западнославянских диалектах.

Этот ареальный сценарий в восточнославянском языковом континууме встречается редко и отмечен только в украинских диалектах, ср. распространение лексемы *kraj-e-tь* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в украинских юго-западных и полесских говорах, кроме того, она широко распространена во всех западнославянских диалектах. Ареал свидетельствует о том, что он образовался вследствие междиалектных контактов украинских и западнославянских диалектов, в которых украинские говоры были реципиентами.

19.2. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах, но при этом находит продолжение лишь в некоторых западнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

drob-ъk-y к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет довольно плотный ареал в юго-западных украинских говорах; кроме того, она широко распространена в чешских диалектах и

встречается в некоторых польских;

ob-kruš-in-y к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 465); кроме того, она широко распространена в польских диалектах и в восточнославянских;

cěl-iš-ъk-a к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет широкое распространение в юго-западных украинских говорах, а также в некоторых полесских и юго-восточных говорах; кроме того, она встречается в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

pri-lěp-ъk-a к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 449), кроме того, она широко распространена в польских диалектах;

pol-u-dъn-ъk-ъ к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных украинских говорах и точечный в восточнославянских (п. 233);

ob-krop-ъ к. 49 ‘кияток’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных, юго-восточных и полесских говорах и точечный ареал в польских говорах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий (п. 257);

skor-up-ъk-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в полесских говорах (п. 403) и широко распространена в чешских, польских, а также в отдельных западнославянских говорах;

prag-ъn-en-ъj-e к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 419); кроме того, она широко распространена в польских диалектах;

žag-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в полесских и юго-западных говорах, а также точечный ареал в восточнославянских диалектах (п. 232);

kož-iš-ъk-ъ к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 421), кроме того, она широко распространена в польских диалектах.

Украинско-западнославянские сепаратные соответствия представлены чаще всего островными и даже точечными ареалами в украинских диалектах. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что среди них немало и тех, которые имеют довольно обширные ареалы в украинских говорах (ср. *cěl-iš-ъk-a*, *pol-u-dъn-ъk-ъ*, *ob-krop-ъ*). Это обстоятельство является чрезвычайно важным, так как подобных ареалов не наблюдалось в белорусско-западнославянских и

тем более в русско-западнославянских сепаратных корреспонденциях.

Ареалы всех этих лексем сформировались в большинстве своем в результате междиалектных контактов украинских, польских и словацких диалектов, причем в роли языка-донора нередко выступали украинские говоры (особенно часто юго-западные, см., например, распространение лексем *cēl-iš-ъk-a*, *pol-u-dъn-ъk-ъ*, *ob-krop-ъ*, *žag-a*), хотя чаще они являлись все-таки говорами-реципиентами (ср. ареалы таких лексем, как *kraj-e-tb*, *skor-up-ъk-a*, *ob-kruš-in-y*, *prag-ъn-en-ъj-e*, *pri-lěp-ъk-a*, *kož-iš-ъk-ъ*). О позднем формировании ареалов этих лексем свидетельствует и вторичность их словообразовательной структуры.

19.3. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах, но при этом находит продолжение в западно- и южнославянских диалектах, ср. распространение лексемы *hъž-ič-ъk-a* к. 53 dem ‘ложечка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в полесских, юго-западных и юго-восточных украинских говорах; кроме того, она широко распространена в словенских, македонских, болгарских, чешских, словацких, лужицких диалектах и имеет островные ареалы в хорватских, сербских и польских говорах.

Обширный ареал этой лексемы, локализующейся в диалектах всех трех славянских языковых групп, наличие древней и-е. основы (< и-е. *leugh-) позволяет рассматривать эту лексему в качестве архаизма, однако наличие двойной деминутизации свидетельствует о том, что это, скорее всего, позднепреставянское образование.

19.4. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах, но при этом находит продолжение в западнославянских и в некоторых южнославянских диалектах, ср. распространение лексемы *ob-ěd-u-j-e-tb* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в карпато-украинских говорах (п. 465), в пункте, который граничит со словацкими диалектами, обширный ареал в словацких, лужицких и польских диалектах и островной – в чешских, словенских, хорватских и сербских диалектах. Точечный характер ареала этой лексемы в украинских диалектах свидетельствует о том, что он сформировался в результате междиалектных контактов украинских и словацких говоров.

19.5. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах, но при этом находит продолжение в некоторых западно- и южнославянских диалектах, ср. распространение следующих лексем:

dobr-ъ к. 65 ‘вкусный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-восточных украинских говорах и раз-

реженный в юго-западных и полесских; она широко распространена также в словенских, хорватских, чешских, лужицких и польских диалектах и имеет островные ареалы в сербских и болгарских говорах;

(kolastr)-a к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных украинских говорах, кроме того, она широко распространена в македонских и словацких диалектах и имеет микроареал в призренско-тимокских сербских говорах (пп. 84, 87);

пъктък-a к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в юго-западных украинских говорах и микроареал – в полесских (пп. 406, 407); кроме того, она широко распространена в словенских, чешских и польских диалектах и имеет островные ареалы в хорватских и лужицких говорах;

mastъnъ к. 26 ‘содержащий много жира’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в юго-западных и точечный в юго-восточных украинских говорах (п. 504); кроме того, она широко распространена в словенских, хорватских, сербских, болгарских, словацких диалектах и имеет микроареал в польских (силезских) говорах;

ob-krajъkъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в юго-западных и юго-восточных украинских говорах; кроме того, она широко известна в сербских и хорватских диалектах и имеет ограниченные ареалы в польских и словенских говорах;

kropъ к. 49 ‘киляток’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в полесских говорах (пп. 410, 417), однако она широко известна в словенских, хорватских и лужицких диалектах.

Эти украинские сепаратные корреспонденции, в отличие от соответствующих русских и белорусских, имеют не только ограниченные, но и обширные ареалы, что составляет специфику украинских говоров. В большинстве своем они являются свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, существующие нередко в виде изолированных «островков», они являются собой «осколки» некогда более обширных ареалов. Это относится, в частности, к тем случаям, когда корреспондирующие лексемы в украинских диалектах представлены обширными ареалами, и при этом находят продолжение не только в западнославянских, но и в южнославянских диалектах (ср., например, локализацию таких лексем, как *dobrъ*, *mastъnъ*, *пъктък-a* и др.). Однако даже в том случае, когда ареалы этих сепаратных корреспонденций имеют в украинских диалектах островной характер, наличие их в южно- и западнославянских диалектах придает им высокий классификационный вес, т.е. позволяет рассматривать их в качестве архаизмов (ср. распространение лексем

kropъ или *ob-krajъkъ*). Показательно также и то, что эти ареалы локализуются чаще всего в юго-западных украинских говорах, где они имеют высокую плотность, тогда как в полесских диалектах они встречаются реже и при этом являются чаще всего островными или точечными.

19.6. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах и при этом находит продолжение в некоторых южнославянских диалектах, ср. распространение лексем:

borьbъn-o к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в юго-восточных украинских говорах, а также в некоторых полесских и юго-западных; кроме того, она имеет обширные ареалы в хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах;

mel-iv-o, myl-iv-o к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечные ареалы в полесских (п. 411) и юго-западных украинских говорах (п. 416); кроме того, она зафиксирована в некоторых сербских штокавских диалектах;

var-e-tь к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в юго-восточных говорах Левобережной Украины, а также в некоторых полесских и юго-западных говорах; кроме того, она имеет островной ареал в говорах Македонии;

sъ-krajъcъbъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареал в полесских украинских говорах (пп. 402, 446); кроме того, она зафиксирована в некоторых хорватских (кайкавских) диалектах;

solstъbъ к. 65 ‘вкусный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 483) и в ровтарских словенских говорах (п. 6);

reč-en-ъj-e к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных украинских говорах (п. 465) и в переселенческих хорватских говорах на территории Венгрии (п. 151).

Как видно из приведенного материала, ареалы этих сепаратных украинско-южнославянских корреспонденций имеют разный характер – обширный и ограниченный. В соответствии с этим разным будет и их статус, так как они могут быть как отражением древних диалектных отнопений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей, так и свидетельством независимого параллельного развития или сохранения архаического фонда.

В тех случаях, когда корреспондирующие лексемы имеют в украинских диалектах обширный ареал и при этом находят продолжение в разных южнославянских языках, перед нами, скорее всего, свидетельство сохранения

древних диалектных отношений славянских языков (ср., например, распространение лексемы *boy-ъn-o*). В тех же случаях, когда лексические соответствия в украинских и южнославянских диалектах имеют микроареалы, можно констатировать либо независимое параллельное развитие, либо сохранение архаического фонда (ср., например, ареалы лексем *sъ-kraj-ьc-ь*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*, *var-e-tь*). Показательно, что все эти лексемы являются суффиксальными производными от праславянских корней.

19.7. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах и при этом находит продолжение в южнославянских и в некоторых западнославянских диалектах.

Этот ареальный сценарий в восточнославянских диалектах встречается редко и отмечен только в украинских говорах, ср. распространение лексем:

mast-ь к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ограниченный, но плотный ареал в юго-западных украинских говорах; кроме того, она широко распространена в словенских, хорватских, сербских, македонских, болгарских и словацких диалектах;

lъz-ic-a к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареал в юго-западных украинских говорах (пп. 483, 484), при этом она широко распространена в южнославянских, чешских, словацких и лужицких диалектах.

Наличие этих лексем, имеющих праславянское происхождение, в диалектах всех трех славянских языковых групп является свидетельством сохранения архаических диалектизмов.

Итак, украинские сепаратные лексические соответствия так же, как и в других восточнославянских языках, имеют, как правило, небольшие ареалы, причем нередко точечные. **Локализуются они чаще всего либо в юго-западных говорах** (ср., например, ареалы лексем *ob-kruš-in-y* к. 19 ‘крошки’ (хлеба), *sъ-met-an-ъk-a* к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’, *lup-a*, *luspa* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’, *noš-aj-ъk-y* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’, *prag-ъn-en-ъj-e* к. 9 ‘желание, потребность пить’, *pri-lěp-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.), **либо в полесских** (см. локализацию лексем *skor-up-ъk-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца), (*þyrg*)-*ъk-a* к. 27 ‘под кожный слой жира в свинине’, *noš-ě* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’, *žđed-j-//n-ъ* к. 10а ‘жажды’, *sъ-kraj-ьc-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.).

Однако в отличие от русских и белорусских диалектов, в украинских говорах нередко наблюдаются и такие сценарии, когда ареалы сепаратных лексических соответствий являются довольно обширными (ср., например, локализацию лексем *lъz-ič-ъk-a* к. 53 dem ‘ложечка’, *pol-u-dъn-ъk-ъ* к. 59 ‘обед,

еда в дневное время', *dobr-ъ* к. 65 'вкусный', (*kolastr*)-*a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво', *ob-krop-ъ* к. 49 'кипяток'), причем это прослеживается, как правило, в тех случаях, когда изоглоссы находят продолжение в польских или в юнославянских диалектах (ср., например, распространение лексемы *c  l-u  -k-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', *bog  -b  n-o* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', *dobr-ъ* к. 65 'вкусный' или *var-e-t  * к. 45 'варит, готовит' (обед) или *nykt-ъk-a* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева').

Другая особенность украинских диалектов связана с тем, что они имеют самый обширный репертуар сепаратных лексических корреспонденций. Так, например, в отличие от русских и белорусских диалектов здесь представлены параллели, которые находят соответствия во всех западнославянских диалектах (ср. распространение лексемы *kraj-e-t  * к. 17 'режет' (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), а также в юнославянских и некоторых западнославянских (ср. *h  z-ic-a* к. 52 'ложка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или *mast-ъ* к. 29 'топленое свиное сало' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Лингвогеографический анализ украинских сепаратных лексических параллелей выявил еще одну особенность украинских диалектов: в отличие от соответствующих русских и особенно белорусских они не имеют каких-либо ареальных ограничений в своей локализации, так как покрывают практически всю территорию Украины. При этом украинско-западнославянские сепаратные изоглоссы концентрируются в основном в говорах Правобережной Украины (особенно в западнополесских и юго-западных говорах, где находятся изоглоссы, имеющие продолжение только в западнославянских диалектах, см., например,пп. 361, 401, 403, 426, 433, 435, 454–457, 473), а украинско-юнославянские – в говорах Левобережной Украины (например, впп. 445, 446 отмечены соответствия только с юнославянскими диалектами, см. карты-схемы 22–23).

Следует отметить также и то, что число этих сепаратных корреспонденций превышает русские в два раза, а белорусские почти в три раза, что говорит о том, что украинские диалекты были тем полигоном, где происходило активное взаимодействие славянских диалектов.

Понятно, что эти сепаратные соответствия имеют разную интерпретацию. Украинско-западнославянские сепаратные изоглоссы в большинстве своем являются следствием междиалектных контактов украинских, польских и словацких говоров. Особенно это относится к тем случаям, когда в украинских диалектах корреспондирующие лексемы имеют точечные или небольшие островные ареалы, а основной их ареал лежит в польских или словацких диалектах, которые и являются языками-донорами (ср., например, локализацию лексем *skor-up-ъk-a*, *skor-up-in-a* к. 41 'скорлупа' (яйца), *ob-kru  -in-y* к. 19 'крошки' (хлеба), (*  pyr*)-*ъk-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине', *prag-*

ъп-en-ъj-e к. 9 ‘желание, потребность пить’, *pri-lěp-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.). Противоположный сценарий, когда в роли языка-донара выступают украинские диалекты, встречается реже (ср., например, локализацию лексем *cěl-iš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’, *ob-krop-ъ* к. 49 ‘кипяток’ или *pol-u-dьn-ъk-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’).

Однако среди украинских сепаратных соответствий имеются и такие, которые являются свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, существующие часто в виде изолированных «островков», они являются собой «осколки» некогда более обширных ареалов. Это относится к тем случаям, когда корреспондирующие лексемы в украинских диалектах представлены обширными ареалами и при этом находят продолжение в южно- и/или западнославянских диалектах (ср., например, локализацию таких лексем, как *dobr-ъ* к. 65 ‘вкусный’, *mast-ъn-ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’, *пъkt-ъk-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, *bогš-ъn-o* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ и др.).

20. Лексема имеет распространение из восточнославянских только в украинских диалектах и не выходит за их пределы

Большинство украинских эксклюзивных лексем имеют островные ареалы, однако в отличие от белорусских среди них немало и таких, ареалы которых являются обширными, ср. распространение следующих лексем:

зъ-prag-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных говорах и разреженный в юго-восточных, кроме того, она встречается в некоторых полесских говорах (пп. 409, 429);

льb-ъk-ъ к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в полесских и юго-западных украинских говорах;

rqb-a-j-e-ть к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в юго-западных украинских говорах, а также точечный в переселенческих говорах на территории Румынии (п. 171);

kruš-ъk-у к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в полесских говорах;

jal-ov-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микрояреалы в полесских и юго-западных говорах;

jal-ov-ъc-in-a к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в полесских говорах;

baran-qt-in-a к. 24 ‘мясо барана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовле-

ние пищи»: лексема имеет островной ареал в юго-западных говорах;

star-ŭk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных говорах;

doj-il-ŭj-a к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет точечный ареал в юго-западных (п. 467) и переселенческих украинских говорах на территории Румынии (п. 171);

vъr̥š-ŭk-y к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в юго-западных, юго-восточных и полесских говорах;

kraš-en-ŭk-a к. 39 Nsg (јаје) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема локализуется в юго-восточных говорах Левобережной Украины;

skor-up-aj-ŭk-a к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в юго-западных и полесских говорах, а также точечный ареал в юго-восточных (п. 464);

got-ov-e-tъ к. 45 ‘варит, готовит’ (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в юго-восточных говорах Левобережной Украины;

sъn-ĕd-an-ŭk-ъ к. 58 ‘завтрак’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-западных и юго-восточных говорах и разреженный в полесских;

kyp-et-j-ъ к. 49 ‘кипяток’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет плотный ареал в юго-восточных говорах Левобережной Украины и микроареал в полесских говорах (пп. 436, 462);

lušp-in-ŭj-e к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в юго-восточных говорах и точечный в полесских (п. 410) и юго-западных (п. 473).

Из приведенных примеров видно, что украинские эксклюзивные лексемы в своем распространении имеют в большинстве своем территориальные ограничения, ибо они равномерно не покрывают всей территории Украины, хотя в отличие от белорусских диалектов, среди них довольно часто встречаются такие, которые имеют плотные и даже обширные ареалы, особенно в юго-западных говорах (ср. распространение лексем *sъ-prag-a*, *star-ŭk-a*, *lušp-in-ŭj-e*, *sъn-ĕd-an-ŭk-ъ*). При этом украинские эксклюзивы имеют ярко выраженные очаги концентрации – полесские и юго-западные говоры.

Анализ украинских эксклюзивных лексем позволяет высказать предположение о позднем формировании их ареалов, т.е. они являются фактом собственной истории украинского языка и возникли, скорее всего, после распада восточнославянского языкового единства.

* * *

Итак, существование различных типов ареалов в восточнославянских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и

языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы – это пространственно-временные образования, ибо время – лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. Поэтому разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

При этом формирование восточнославянских ареалов (как, впрочем, и славянских) происходило под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов – разрушительного и созидающего. Разрушительный процесс приводил к распаду восточнославянского (и шире – общеславянского) континуума, к усложнению пространственной структуры, т.е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имел интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохранялись, что вело к образованию новых ареалов.

Как показал лингвогеографический анализ восточнославянского диалектного континуума, в процессе языковой эволюции восточнославянских языков складывались разные типы ареалов. Наиболее частотными среди них являются следующие: **системный** (или сплошной), **разреженный** (или дискретный), **разрушенный**, но со следами сплошного, **фрагментарный** (или островной) и **точечный**. При этом содержание каждого из ареалов зависит от того пространственного контекста, в котором он существует. Поэтому все эти ареалы имеют разный классификационный вес в пространстве *terra Slavia*.

Обращает на себя внимание тот факт, что на картах Атласа устойчиво повторяются одни и те же ареальные сценарии, говорящие о том, что в этом море языковых фактов прослеживаются определенные контекстуальные закономерности, являющиеся своеобразными ориентирами в типологической интерпретации ареалов. При их характеристике чрезвычайно важным оказывается не только тип ареала (его конфигурация, размер, плотность и континуальность), но и его **локализация**, поскольку именно контекст во многом определяет статус ареала, ибо он может свидетельствовать как об архаичности, так и о вторичности картографируемого языкового явления.

1. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Если восточнославянский ареал лексемы, имеющей праславянское происхождение, существует в общеславянском контексте, т.е. картографируемое языковое явление имеет не только восточнославянское, но и общеславянское распространение, то здесь возможны следующие типы восточнославянских ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемая лексема равномерно покрывает всю территорию Славии, ср., например, ареалы таких праславянских

лексем, как *vod-a*, *kon-j-ь*, *pol-j-e*, *mor-j-e* т. 5 «Рефлексы *о»; *zem-j-a*, *med-ь*, *sestr-a*, *vesel-ьj-e* т. 6 «Рефлексы е» и др.);

– **разреженный** (или дискретный): ареал картографируемой общеславянской лексемы не является плотным, однако она представлена во всех восточнославянских диалектах, ср., например, распространение таких лексем, как *ov-ьc-a* к. 5 т. 5 «Рефлексы *о» или *žen-a* к. 57 т. 6 «Рефлексы *е»);

– **разрушенный**: ареал картографируемой лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других – островным, причем нередко латеральным, ср., например, ареалы таких общеславянских лексем, как *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *oč-i* к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»; *per-et-ь* к. 30 т. 6 «Рефлексы *е» и др.);

– **островной**: ареал картографируемой лексемы во всех славянских диалектах является фрагментарным, ср., например, распространение лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских языках является ограниченным.

При этом в интерпретации ареалов картографируемых языковых явлений прослеживаются следующие закономерности: независимо от качества общеславянского ареала (т.е. является ли он системным или асистемным), а также восточнославянского ареала (т.е. является ли он сплошным, дискретным или даже островным), данное явление имеет статус архаизма (см., пп. 1–2, ареалы, например, таких лексем, как *sol-ь*, *snop-ь*, *rog-ь*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о», *ber-e-ть*, *(j)ejen-ь //olen-ь*, *per-o*, *led-ь*, *med-j-a* т. 6 «Рефлексы *е»; *znaj-e-tь* к. 73 ‘знает’ т. 9 «Человек»; *večer-j-a-j-e-tь* к. 64 ‘ест ужин’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и др.). Об этом свидетельствует не только общеславянский характер распространения данной лексемы, но и ее праславянское происхождение.

2. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы существует лишь в западнославянском контексте, т.е. картографируемое явление фиксируется в диалектах восточной и западной Славии, то здесь выявляются следующие типы восточнославянских ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление плотно покрывает восточную и западную Славию, ср., например, ареалы таких лексем, как *nož-ik-ь* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *rogž-ьn-ь* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glin-j-an-ь* к. 50 ‘сделанный из глины’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uš-bk-o* к. 15 *dem* ‘ухо’ т. 9

«Человек»; *rǫč-ьk-a* к. 32 *dem* ‘рука’ т. 9 «Человек»; *pal-ьc-ь* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»; *nož-ьk-a* к. 43 *dem* ‘нога’ т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *gor-ьk-a* к. 28 *dem* ‘гора’ т. 5 «Рефлексы *о» и др.;

– **разреженный** (или дискретный): ареал картографируемой лексемы не является плотным, однако она представлена во всех восточнославянских диалектах, ср., например, распространение лексем *kryš-ьk-u* к. 19 ‘крошки’ (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *тьkt-ьv-ьk-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šček-a* к. 3 ‘щека’ т. 9 «Человек»;

– **разрушенный:** ареал картографируемой лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других – островным, причем нередко латеральным, ср., например, ареалы таких лексем, как *sъn-ěd-am-ьj-e* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pust-ь* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (например, о горшке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; //aj-ьc-o к. 39 Nsg (j)aje т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kort-y-sl-o* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vols-y* к. 25 ‘волосы человека’ т. 9 «Человек»; *žel-qd-ьk-ь* к. 52 ‘желудок’ т. 9 «Человек»;

– **островной:** ареал картографируемой лексемы в восточнославянских диалектах является фрагментарным, части этого ареала (субареалы) являются изолированными, ср. распространение лексем *kroj-i-tь*, *kroj-e-tь* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *syt-ь* к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *plěv-ьk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-kraj-ьc-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-vecer-ьk-ь* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

– **точечный:** картографируемое языковое явление имеет лишь микроареалы во всех восточнославянских диалектах (ср., например, распространение таких лексем, как *na-var-i-tь* к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *na-peč-e-tь* к. 15 3sg praes asp perf ‘печет’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kraj-ьč-ik-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *u-krop-ь* к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

При этом в зависимости от того, каково качество восточнославянского ареала (т.е. является ли он системным, дискретным, островным или точечным), а также качество западнославянского ареала (т.е. является ли он сплошным или разреженным), картографируемое языковое явление будет иметь разную интерпретацию:

– если восточно- и западнославянский ареалы картографируемой лексемы являются системными (т.е. она плотно покрывает всю территорию восточной и западной Славии), то это языковое явление может быть интерпретировано как свидетельство позднепраславянского восточно-западнославянского единства (см. п. 3.1., ареалы, например, таких лексем, как *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *rǫč-ъk-a* к. 32 *dem* ‘рука’ т. 9 «Человек»; *slovo* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек» и др.); если же восточно- и/или западнославянские ареалы картографируемой лексемы являются асистемными (т.е. они не покрывают всей территории восточной и западной Славии), то это свидетельствует о том, что ареал сформировался после распада позднепраславянского восточно-западнославянского единства (ср. ареал лексемы *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– если восточнославянский ареал картографируемой лексемы является системным, а западнославянский ареал – ограниченным (ср. ареал лексем *prøgъtъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ar-ъk-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), а также если восточнославянский ареал является ограниченным, то независимо от качества западнославянского ареала (т.е. является ли он системным или ограниченным), ареал картографируемой лексемы является, скорее всего, свидетельством поздних междиалектных контактов (см. пп. 3.2.–3.3., ареалы таких, например, лексем, как *na-var-i-tъ* к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lěj-ъk-a* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kortm-y-sl-o* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kroj-i-tъ*, *kroj-e-tъ* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Примечательно, что среди этих лексем сравнительно немного тех, которые имеют собственно праславянское происхождение, и значительно больше поздних производных образований от праславянских основ, в том числе собственно восточнославянских новообразований (ср., например, *doj-ar-ъk-a*, *zabod-e-tъ*, *lěj-ъk-a*, *ob-kraj-ъc-ь*, *kraj-ъc-ik-ъ* и др.).

Западнославянский контекст может быть расширен за счет некоторых южнославянских диалектов (см. пп. 4–5).

В этом случае наблюдаются следующие типы восточнославянских ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление плотно покрывает восточную и западную Славию и имеет ограниченный ареал в южнославянских диалектах (ср., например, распространение таких лексем, как *tok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (см. карту-схему 10); *tet-ъk-a*, к. 16 т. 6 «Рефлексы *e»; *sъ-met-an-a* к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ т.

6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *bēl-ъk-ъ* к. 42 ‘белая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žylt-ъk-ъ* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *siln-a* к. 20 ‘слюна’ т. 9 «Человек»; *pros-i-tь* к. 68 ‘просит’ т. 9 «Человек»);

– **разреженный** (или дискретный): ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах не является плотным, однако оно представлено во всех восточнославянских диалектах, а также в некоторых западно- и южнославянских (ср., например, распространение лексем *melz-iv-o*, *melz-iv-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; *gov-ъd-in-a* к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *koryt-o* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ot-ъc-ъ* к. 7 т. 5 «Рефлексы *о»);

– **разрушенный**: ареал картографируемой лексемы в одних восточнославянских диалектах является плотным, а в других – островным или мозаичным, при этом она отмечена во всех западнославянских и в некоторых южнославянских диалектах (ср., например, ареалы таких лексем, как *ъ-met-an-a* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

В интерпретации картографируемого языкового явления прослеживаются следующие закономерности:

– если восточно- и западнославянский ареал картографируемой лексемы является обширным, а южнославянский ареал – ограниченным, то картографируемое явление будет иметь статус архаизма (см., например, ареал лексемы *тoк-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Статус архаизма оно будет иметь и в том случае, если его ареал в восточнославянских языках будет обширным, а в южно- и западнославянских – ограниченным (ср., например, ареал лексемы *tel-ъt-in-a* к. 23 ‘мясо теленка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Третья ситуация с архаизмом, когда картографируемое явление в западнославянских языках имеет обширный ареал, а в восточно- и южнославянских – ограниченный (ср., например, ареал лексемы *ot-ъc-ъ* к. 7 т. 5 «Рефлексы *о»).

Таким образом, статус архаизма картографируемое языковое явление получает в том случае, если оно имеет ограниченный ареал в южнославянских языках, тогда как его ареал в восточно- и западнославянских языках может иметь разное качество (т.е. он может быть и системным, и разреженным, и фрагментарным);

– если же ареал картографируемой лексемы и в восточно-, и в западно-, и в южнославянских языках является ограниченным или даже островным, то его интерпретация может быть разной: это может быть разрушенное архаическое явление (ср., например, ареал лексем *ъ-met-an-a* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sad-l-o* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домаш-

нее хозяйство и приготовление пищи»); или поздняя инновация, связанная с освоением иноязычного заимствования (ср., например, ареал лексем (*šmal*)-*ьс-ь* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Если картографируемое явление не имеет общевосточнославянского распространения, а локализуется в диалектах только двух или даже одного из трех восточнославянских языков, но при этом встречается в западнославянских диалектах или в западно- и южнославянских, то наиболее типичными восточнославянскими ареалами являются следующие:

– **островной:** ареал картографируемой лексемы имеет ограниченный характер в некоторых восточнославянских языках и плотный в западнославянских (ср., например, ареал лексем *stud-ъn-j-a*, *stud-ъn-ъj-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *gos-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stbkl-ěn-ъk-a* к. 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ъk-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или в западно- и южнославянских (ср. *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn’-ь* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– **точечный:** картографируемое языковое явление имеет микроареалы в некоторых восточно- и западнославянских диалектах (ср. ареал лексемы //ěd-iv-o к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или в западно- и южнославянских диалектах (ср. ареал лексемы *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *husk-a* к. 51 ‘кошкура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или микроареал в восточнославянских диалектах и обширный в западнославянских (ср. *ob-škvar-ъk-y*, *ob-skvar-ъk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или в западно- и южнославянских (ср. (*traxter*)-*ь* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Статус препрезентируемого ими языкового явления может быть разным в зависимости от конфигурации ареала, его локализации и плотности: оно может быть и **архаизмом** (ср. ареал лексемы *porzd-ъn-ъ*, *porzd-ъn’-ь* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), и **независимым параллельным образованием** (ср. ареал лексемы *ob-škvar-ъk-y*, *ob-skvar-ъk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; //ěd-iv-o к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), и **сохранением архаического лексического фонда** (ср. ареал лексемы *tuk-ъ* к. 27 ‘под кожей слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), и **поздним заимствованием, возникшим в результате междиалектных кон-**

тактов (ср. ареал лексем *stud-ъn-j-a*, *stud-ъn-ъj-a* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gqs-in-a* к. 25 ‘мясо гуся’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žag-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», *korm-y-sl-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *nos-i-dl-a*, *nos-i-dl-ъk-a* к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или **освоения заимствованного слова** (ср. ареал лексемы (*traxter*)₋ к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

В этом случае диагностирующим признаком будет являться не только ареал, его локализация, масштаб, конфигурация, общее направление изоглоссы, но и словообразовательная структура слова, его этимология и значение (прямое или переносное).

3. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ В ЮЖНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы существует лишь в южнославянском контексте, т.е. картографируемое явление фиксируется в диалектах восточной и южной Славии, то здесь выявляются следующие типы восточнославянских ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление имеет плотный ареал и в восточнославянских, и в южнославянских диалектах (ср. распространение лексем *rěž-e-tь*, *rěž-i-tь* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек») или только в восточнославянских (ср. ареал таких лексем, как *měz-in-ъc-ь* к. 39 ‘мизинец’ т. 9 «Человек»; *ro-tъn-i-tь* к. 70 ‘помнит’ т. 9 «Человек»; *zov-e-tь* к. 66 ‘зовет кого-нибудь’ т. 9 «Человек»);

– **разреженный** (или дискретный): ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах не является плотным, однако оно представлено во всех восточно- и южнославянских диалектах, ср. ареал лексемы *vъ-kq̃s-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pъkt-ъv-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– **фрагментарный**: ареал картографируемого языкового явления является ограниченным и в восточно-, и в южнославянских диалектах (ср., например, распространение лексемы *ob-ěd-ъ* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žir-ъ* к. 29 ‘топленое свиное сало’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или только в восточнославянских (ср. ареал лексемы *neb-o* к. 21 ‘небо’ т. 9 «Человек»).

– **точечный**: картографируемое языковое явление имеет микроареал и в

восточно-, и южнославянских диалектах (ср. ареал лексемы *pol-u-dъn-a-j-e-tъ* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uљxъ* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

При этом интерпретация картографируемого языкового явления будет разной в зависимости от качества восточно- и южнославянского ареалов:

– если восточнославянский ареал является системным, то независимо от качества южнославянского ареала (т.е. независимо от того, является ли он сплошным или разреженным), картографируемое языковое явление может иметь статус архаизма (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *rěž-e-tъ*, *rěž-i-tъ* к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; *měz-in-ьc-ь* к. 39 ‘мизинец’ т. 9 «Человек»).

Системный, а главное континуальный характер ареалов этих лексем говорит о том, что перед нами праславянские диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от северославянских.

О том, что данное языковое явление имеет статус архаизма, красноречиво свидетельствует тот факт, что ни один из восточнославянских языков не имеет прямых сепаратных связей с южнославянской языковой группой в целом, а всегда только лишь в контексте с другими восточнославянскими языками. А это значит, что восточно-южнославянские изоглоссы сформировались в тот период, когда восточнославянские языки еще существовали как единое целое.

Статус архаизма может иметь и языковое явление, ареал которого является ограниченным и в восточно-, и в южнославянских языках, однако в этом случае нельзя исключить и возможность независимого параллельного развития (ср., например, ареалы лексем *uљ-kosъ-n-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pъkt-ъv-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pol-u-dъn-a-j-e-tъ* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *uљxъ* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’). В этом случае в качестве диагностирующих должны быть использованы собственно лингвистические признаки, апеллирующие к словообразовательной структуре слова, его этимологии и значению;

– если же картографируемое языковое явление имеет в восточнославянских языках ограниченный ареал, а в южнославянских – обширный (см. п. 6.3.), то статус этого явления можно определить, скорее всего, как позднюю инновацию (ср. ареал лексемы *neb-o* к. 21 ‘небо’ т. 9 «Человек»).

Наблюдения над этими восточно-южнославянскими соответствиями обнаружили следующую закономерность: чем дальше простираются восточнославянские изоглоссы на юг Славии, тем чаще встречаются праславянские диалектизмы.

Южнославянский контекст может быть расширен за счет некоторых западнославянских диалектов (см. п. 8).

В этом случае выделяются следующие типы восточнославянских ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление имеет плотный ареал и в восточно-, и в южнославянских, и в некоторых западнославянских диалектах (ср. локализацию лексемы (*j)eseny//osenь* к. 20 «Рефлексы *е»); или картографируемое явление имеет плотный ареал в восточной Славии и ограниченный – в южно- и западнославянских диалектах (ср. локализацию лексемы *kyp-i-tъ* к. 47 ‘кипит’ (вода) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– **разреженный**: ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах является дискретным, однако оно представлено во всех восточно- и южнославянских диалектах, а также в некоторых западнославянских (ср., например, распространение лексемы *żęd-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– **фрагментарный**: ареал картографируемого языкового явления является ограниченным в восточнославянских диалектах, тогда как в южнославянских, а также в некоторых западнославянских он является плотным (ср. распространение лексемы *kož-a* к. 22 ‘кожа человека’ т. 9 «Человек»; *soln-in-a* к. 27 ‘под кожей слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

В интерпретации этих языковых явлений прослеживаются следующие закономерности:

– если ареал картографируемой лексемы является обширным и в восточно-, и в южнославянских диалектах и ограниченным в западнославянских, то эта лексема будет иметь, скорее всего, статус архаизма (ср., например, ареал лексемы (*j)eseny//osenь* к. 20 «Рефлексы *е»); статус архаизма у нее будет и в том случае, если ее ареал в восточнославянских языках будет обширным, а южно- и/или западнославянский ареал – ограниченным (ср., например, ареал лексемы *kyp-i-tъ* к. 47 ‘кипит’ (вода)). Статус архаизма у нее будет и в том случае, если в восточно- и южнославянских диалектах ее ареал будет дискретным, а в западнославянских – островным (ср., например, ареал лексемы *żęd-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Таким образом, в этом ареальном сценарии для квалификации языкового явления как архаического необходимо наличие ограниченного ареала в западнославянских диалектах, тогда как в восточно- и южнославянских он может быть как обширным, так и ограниченным. Этот вывод вполне согласуется с общим положением лингвистической географии, согласно которому наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» (Прин-

ципы 1976: 184)⁶.

Если картографируемое языковое явление не имеет восточнославянского распространения, а локализуется в диалектах только двух или даже одного из трех восточнославянских языков, но при этом встречается в южнославянских диалектах, то наиболее типичными восточнославянскими ареалами являются следующие:

– **островной:** ареал картографируемой лексемы имеет ограниченный характер в некоторых восточно- и южнославянских диалектах (ср., например, ареал лексемы *pěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); *borž-ъn-o* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или ограниченный в восточнославянских диалектах и обширный в южнославянских и некоторых западнославянских (ср., например, ареал лексемы *sold-ъk-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– **точечный:** картографируемое языковое явление имеет микроареал в некоторых восточно- и южнославянских диалектах (ср. ареал таких лексем, как *sam-o-kyš-a* к. 35 ‘простокваша’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žež-ъk-ъ* к. 48 ‘горячий’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-kraj-ъc-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или микроареал в некоторых восточнославянских диалектах и обширный в южнославянских (ср., например, ареал лексемы *ust-a* к. 16 ‘рот’ т. 9 «Человек»).

В интерпретации этих языковых явлений прослеживаются следующие закономерности:

– если ареал картографируемой лексемы является ограниченным в восточно- и южнославянских диалектах и при этом ее словообразовательная структура является непроизводной, а этимологическое значение – первичным, то дистантный характер ареала дает основания для отнесения ее к архаизмам (ср. ареал лексем *pěn-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kor-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– если же словообразовательная структура лексемы является производной (причем нередко это продуктивная словообразовательная модель) и при этом ее этимологическое значение является вторичным (часто метафорическим), то ограниченный характер ее ареала свидетельствует о том, что эта лексическая корреспонденция возникла, скорее всего, вследствие независимого параллельного развития (ср. ареал лексем *kor-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svin-qt-in-a*, *svin-j-qt-in-a*, *porst-qt-in-a* к. 21 ‘мясо свиньи’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

⁶ Ср. в связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» (Бородина 1980: 34).

ov-ьč-qt-in-a к. 24 ‘мясо барана’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lup-ov-in-j-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

4. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ АРЕАЛ ВНЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОНТЕКСТА

Если восточнославянский ареал той или иной лексемы не выходит за пределы восточной Славии, то здесь наблюдаются следующие типы ареалов:

– **системный** (или сплошной): картографируемое языковое явление имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах (ср. распространение таких лексем, как *skor-o-lup-a*, *skor-o-lup-ъk-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-kaž-e-tь* к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек»);

– **разреженный**: ареал картографируемого языкового явления в восточнославянских диалектах является дискретным, однако оно представлено в диалектах всех трех восточнославянских языков (ср., например, распространение лексем *pěn-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *šeg-ъ* к. 49 ‘шаг’ т. 9 «Человек»);

– **разрушенный**: ареал картографируемой лексемы в диалектах двух восточнославянских языков является плотным, а в третьем – разреженным или островным, причем нередко латеральным (ср., например, ареалы таких лексем, как *kyp-qt-ъk-ъ* к. 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *//ěd-a* к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kold-ěz-ъ*, *kold-ьc-ъ* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *rъt-j-ъk-у* к. 55 ‘почки’ т. 9 «Человек»);

– **островной** (или фрагментарный): ареал картографируемой лексемы является ограниченным в одних восточнославянских диалектах и обширным – в других (ср. ареал лексем *vogn-ъk-a* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-kaž-ъk-a* к. 77 ‘сказка’ т. 9 «Человек»); или когда он является островным в диалектах всех трех восточнославянских языков (ср., ареал лексем *sug-o-kvaš-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korm-y-sl-ъ* к. 2 ‘деревянная дуга для носения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-ъ* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; или *pol-ъ-dъn-ik-ъ* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или когда ареал картографируемой лексемы локализуется в диалектах лишь одного из восточнославянских языков (ср. рус. *sъ-kos-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление

пищи»; *bēl-yš-ь* к. 42 ‘белая часть яйца’, *žvlt-yš-ь* к. 43 ‘желтая часть яйца’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; блр. *še-lup-in-y*, *ob-terb-ъk-у* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; укр. *lbb-ъk-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vъš-ъk-у* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

– **точечный**: картографируемое языковое явление имеет микроареал в диалектах всех трех восточнославянских языков (ср. распространение лексем *plēn-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *še-lup-aj-ъk-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или только одного из них (ср. рус. *kož-ir-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-top-ъk-у* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; блр. *vъ-lěj-ъk-a* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prag-a*, *praž-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; укр. *doj-il-ъj-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *jal-ov-in-a* к. 22 ‘мясо коровы или вола’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

В интерпретации репрезентируемых этими ареалами языковых явлений прослеживаются следующие закономерности:

– если восточнославянский ареал картографируемой лексемы является плотным, то это свидетельствует о том, что он образовался уже после распада восточно-западнославянского единства, но до разделения восточнославянских языков на русский, украинский и белорусский (ср. ареал лексем *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 ‘ест обед’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» или *sъ-kaž-e-tь* к. 64а ‘скажет’ (слово) т. 9 «Человек»);

– если же восточнославянский ареал картографируемой лексемы является разрушенным, фрагментарным или разреженным, то это свидетельство его относительно позднего образования, когда имели место разрушительные и созидательные процессы междиалектных контактов (ср. ареал лексем *gъrb-иš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-kvaš-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

При этом в роли языка-донора чаще всего выступали русские диалекты (ср. ареал лексем *vогt-ъk-a* к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kold-ęz-ь*, *kold-ьc-ь* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-čist-ъk-у* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

rēn-ъk-a к. 31 ‘пенка’ (на молоке) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sъ-kaz-ъk-a* к. 77 ‘сказка’ т. 9 «Человек», **реже украинские** (ср. ареал лексем *lušp-aj-ъk-u* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *vy-škvar-ъk-u* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») или **белорусские** (ср. ареал лексемы *smag-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

В связи с этим необходимо отметить, что целостность восточнославянского ареала во многом поддерживается благодаря русским диалектам, ибо в них до сих пор сохраняются и имеют обширные ареалы многие эксклюзивные лексемы, выделяющие восточнославянские диалекты на всем пространстве terra Slavia (ср., например, распространение таких лексем, как *kold-ez-b*, *kold-ъc-b*, *kyp-et-ъk-b*, *ob-ěd-a-j-e-tь*, *gыrb-uš-ъk-a*, *sъ-kaz-ъk-a* и др.).

Примечательно, что разрушение этого восточнославянского единства наблюдается, как правило, в юго-западном ареале восточнославянского континуума, т.е. на территории украинских диалектов (см., например, ситуацию на карте 6 ‘стакан’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», где наряду с лексемой (*stokan*)-ъ, в украинских диалектах широко распространена и заимствованная из венгерского языка лексема (*pohar*)-ъ (венг. *pohár*); или на карте 49 ‘кипящая или вскипевшая вода’ в том же томе: наряду с лексемой *kyp-et-ъk-b*, в украинских диалектах широко распространена лексема *ob-krop-ъb*);

– если же восточнославянский ареал картографируемых лексем является островным или точечным (при том, что эти лексемы отсутствуют в памятниках древнерусской письменности), то, скорее всего, он сложился в процессе междиалектных контактов (ср., например, ареалы лексем *syr-o-kvaš-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *še-lip-aj-ъk-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pol-u-dъn-b*, *pol-ъ-dъn-b* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»);

– если же ареал картографируемой лексемы не выходит за рамки одного из восточнославянских языков, т.е. она является эксклюзивной (ср. рус. *sъ-kos-ъtн-b*; блр. *tъlst-ost-b*; укр. *sъn-ěd-an-ъk-b*), то независимо от того, каково качество этого ареала, т.е. является ли он сплошным, что встречается довольно редко, или ограниченным, можно утверждать, что его формирование произошло сравнительно поздно, в рамках собственной истории каждого из восточнославянских языков.

Таким образом, замкнутый восточнославянский ареал картографируемой лексемы, не имеющей выхода в западную и/или южную Славию, является, скорее всего, поздним образованием, тогда как сплошной, мозаичный или разреженный ареал лексемы, имеющей такой выход, может быть интерпретирован и как архаический.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в замкнутом восточно-

славянском ареале происходят чаще всего разрушительные дивергентные процессы. Поэтому здесь чаще встречаются островные или разрушенные ареалы. Плотные же системные восточнославянские ареалы представлены чаще всего тогда, когда языковое явление выходит за рамки восточнославянского ареала и находит продолжение в западно- и/или южнославянских диалектах (ср., например, ареалы лексем *mok-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* ‘ножик, ножичек’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glin-j-an-ъ* к. 50 ‘сделанный из глины’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *slovo* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *pal-ьc-ъ* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»; *dum-a-j-e-tъ* к. 69 ‘думает’ т. 9 «Человек»; *za-bqd-e-tъ* к. 72 ‘забудет’ т. 9 «Человек»; *pros-i-tъ* к. 68 ‘просит’ т. 9 «Человек» и др.).

В связи с этим следует сказать еще об одной особенности восточнославянского языкового континуума.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что в восточнославянских диалектах отчетливо выделяются зоны, в которых наблюдается повышенная концентрация архаизмов: в русских диалектах – это прежде всего северорусские говоры, в украинских – карпатоукраинские, а также говоры Полесья, в белорусских диалектах – полесские говоры. Причем наиболее плотная их локализация наблюдается в украинских диалектах.

Многократно повторяющиеся ареальные сценарии говорят о том, что в восточнославянском языковом континууме, с одной стороны, совершенно отчетливо выделяются русские диалекты, имеющие наибольшее число эксплуативных лексем, иллюстрирующих их своеобразие, а с другой – украинские, обладающие самым широким спектром сепаратных лексических соответствий с западными и южнославянскими языками. Именно в украинских диалектах лежат ареалы лексем, изоглоссы которых находят продолжение во всех западнославянских диалектах или во всех южнославянских и некоторых западнославянских (в русских и белорусских диалектах такие ареальные сценарии отсутствуют).

Эта «экстравергность» украинских диалектов, помимо исторических, объясняется и собственно лингвистическими причинами, в частности тем, что именно здесь прослеживается ярко выраженная вариативность корневых и аффиксальных морфем, а также цельнолексемных номинаций, находящихся в отношениях дополнительного распределения. Благодаря этой подвижности диалектизмов создаются условия для образования непрерывного диалектного континуума, в пределах которого формируются различные ареалы. Поэтому именно в украинских диалектах наблюдается высокая концентрация сепаратных изоглосс с западно- и южнославянскими языками (число их вдвое превышает русские изоглоссы и втрое – белорусские).

Характер этих сепаратных соответствий разный: одни из них являются следствием междиалектных контактов (особенно это касается тех случаев,

когда в украинских диалектах соответствия имеют точечные или небольшие островные ареалы, а основной ареал корреспондирующих лексем лежит в польских или словацких диалектах), другие, более масштабные, являются свидетельством диалектальности славянского языкового континуума еще в праславянскую эпоху, поскольку они представляют собой «осколки» некогда более обширных ареалов (это относится к тем случаям, когда корреспондирующие лексемы в украинских диалектах имеют обширные ареалы, при этом они находят продолжение в южно- и западнославянских диалектах, ср., например, локализацию лексем *mast-ъn-ъ* к. 26 ‘содержащий много жира’, *пъkt-ъk-a* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’, *borš-ъn-o* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ и др.). Эти изоглоссы являются особенно цennыми, так как они указывают на особую рольprotoукраинских диалектов в формировании диалектного пространства *terra Slavia*.

Таким образом, украинские диалекты оказываются своеобразным центром современного восточнославянского диалектного ландшафта, так как именно здесь пересекаются многие лексические изоглоссы Славии. И эта ситуация во многом определяет типологическую картину восточнославянских ареалов и соответственно влияет на их интерпретацию.

* * *

Итак, материал Общеславянского лингвистического атласа показал, что тип ареала и пространство, в котором он существует, тесно связаны между собой, так как чем обширнее пространство, тем благоприятнее условия для формирования разных типов ареалов. Об этом красноречиво свидетельствует типология восточнославянских ареалов в общеславянском контексте, где представлены системные, разреженные, разрушенные и островные ареалы; в западнославянском контексте, где существуют системные, разреженные, островные и точечные ареалы; в южнославянском, где формируются чаще всего системные, разреженные и островные ареалы; и вне этого контекста, в рамках лишь одного из восточнославянских языков, где наблюдаются, как правило, островные или точечные ареалы (образование здесь системного ареала какой-либо эксклюзивной лексемы происходит крайне редко, как правило, в тех случаях, когда она становится достоянием литературного языка, ср., например, плотный ареал лексем в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: *gъrb-uš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’, *prost-o-kvaš-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’, *ob-čist-ъk-y* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’; //*už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’; //*už-in-a-j-e-тъ* к. 64 ‘ест ужин’ в русских диалектах; или *kys-ъl-j-ak-ъ* к. 35 ‘сырое кислое молоко’; *uљrš-ъk-y* к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’; *cěl-иš-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; *ob-krop-ъ* к. 49 ‘кипяток’; *sъ-prag-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’; *sъn-ěd-an-ъk-ъ* к. 58 ‘завтрак’ в украинских диалектах; или *smag-a* к. 9

‘желание, потребность пить’ – в белорусских).

Более того, в разном пространственном контексте один и тот же тип ареала может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности. А это значит, что между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь. Так, например, системный восточнославянский ареал в общеславянском контексте может служить иллюстрацией праславянских языковых отношений, в западнославянском контексте – позднепраславянских; а вне этих контекстов он является фактом собственной истории восточнославянских языков; или островной характер восточнославянского ареала в общеславянском контексте может быть доказательством праславянского архаизма, а в западнославянском контексте – поздних междиалектных контактов.

В заключение следует отметить, что предложенная типология ареалов не претендует на статус единой всеобъемлющей модели ареальной классификации восточнославянского диалектного континуума. Однако она позволяет, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию ареальных структур, ибо «смысл лингвогеографического метода – в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» (Мартынов 1983: 5).

Более того, следует особо отметить тот факт, что интерпретация каждого из выявленных типов восточнославянских ареалов в действительности трудно укладывается в «прокрустово ложе» типологии, так как в каждом конкретном случае необходимо привлечение и других признаков (и, прежде всего, лингвистических, учитывающих этимологию слова, его словообразовательную структуру, характер значения, его соотношение с другими синонимичными лексемами). Поэтому изложенные выше принципы интерпретации восточнославянских ареалов не следует абсолютизировать, а тем более ожидать от них точности математических законов. Это, однако, не умаляет значения сделанных наблюдений. Обширный материал Общеславянского лингвистического атласа позволяет уже сейчас «напасть» некоторые механизмы и определить ориентиры этой интерпретации.

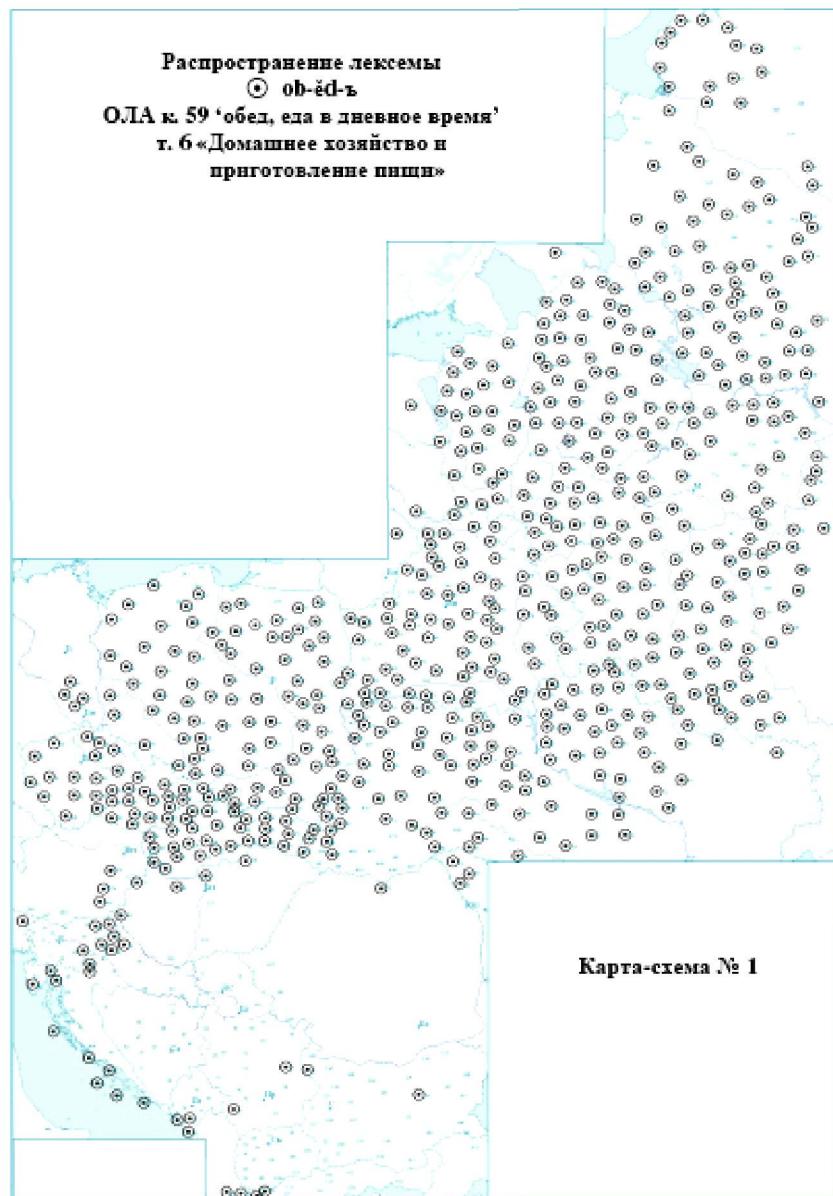
Поэтому на современном этапе изучения славянского диалектного ландшафта нужно обратить серьезное внимание на создание фактографической базы межславянских диалектных связей, особенно сепаратных схождений, с целью их генетической и ареально-типологической интерпретации. Это позволит не только заполнить имеющиеся лакуны в ареальных связях славянских диалектов, но и ответить на вопрос, с чем связано существование этих лакун – с отсутствием материала или же с фактами истории славянских языков.

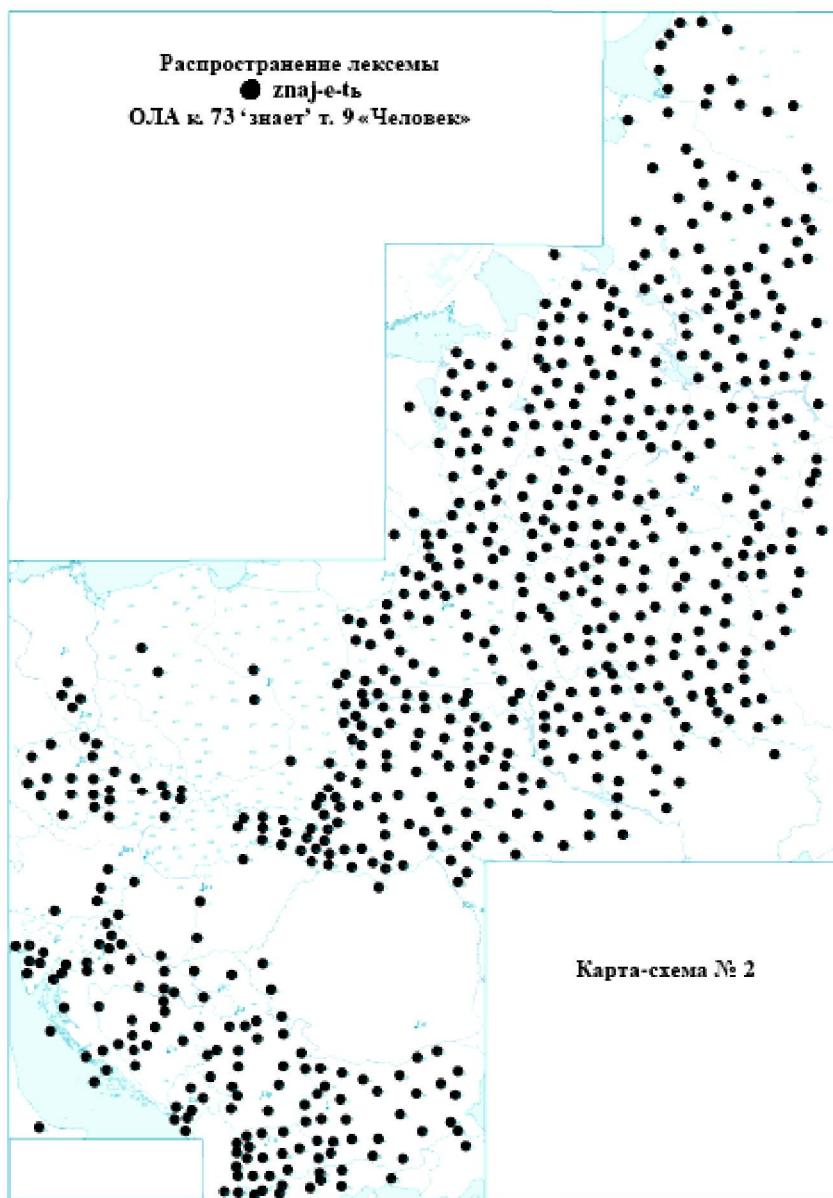
Думается, что только в этом случае появятся объективные предпосылки для перехода от единичных (нередко случайных) констатаций отдельных лексико-семантических схождений к их системному описанию в сравнительно-

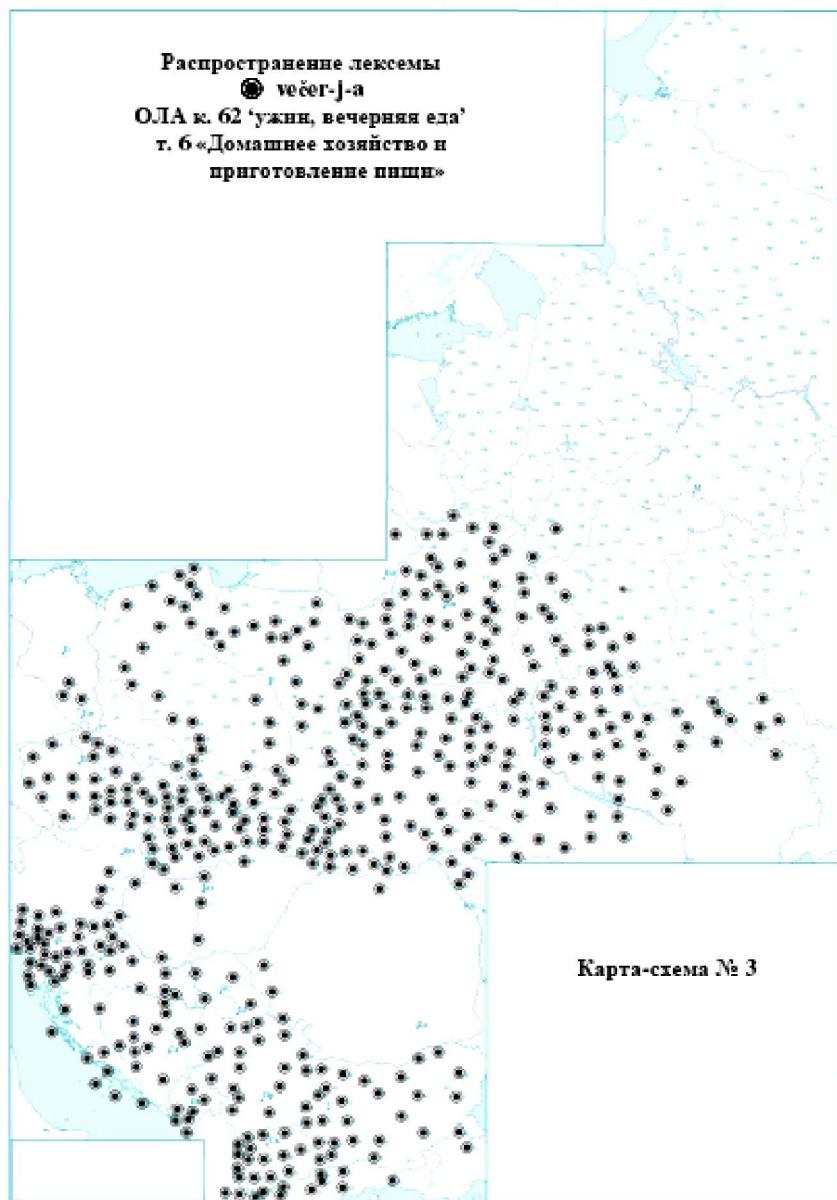
историческом аспекте.

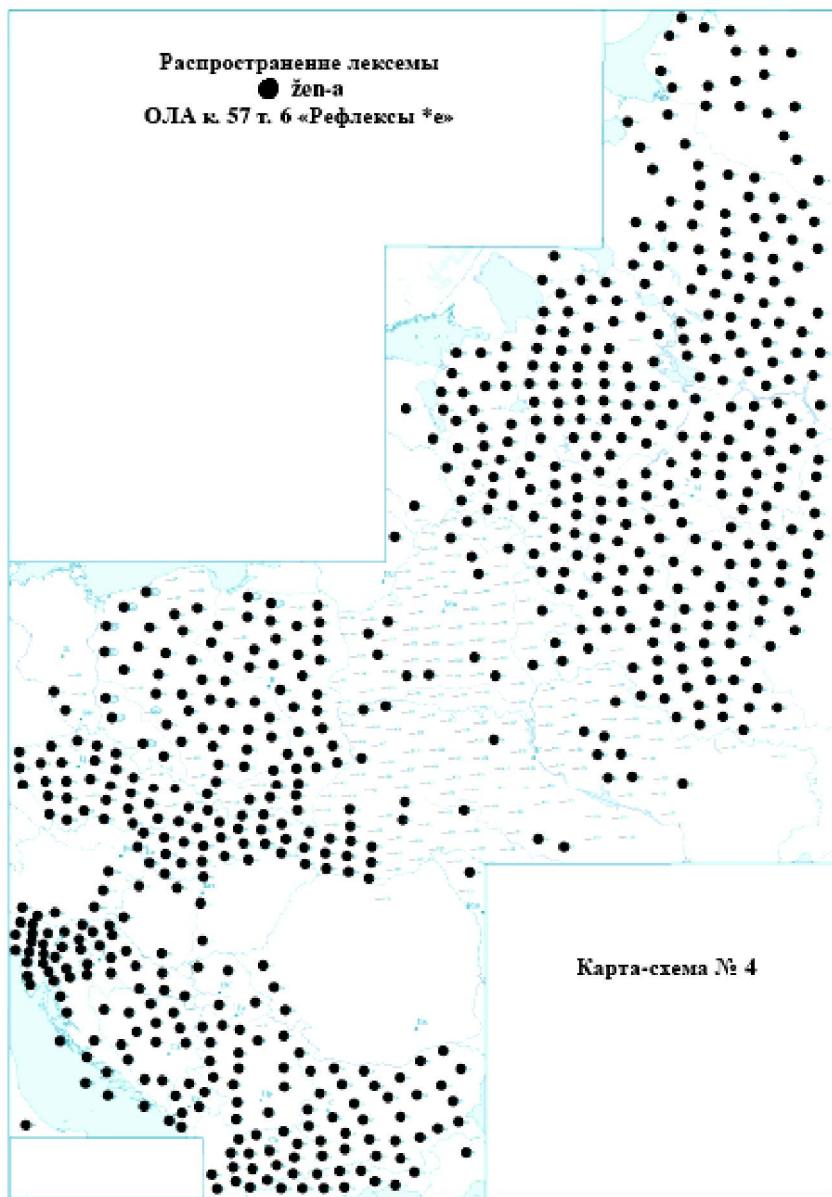
ЛИТЕРАТУРА

- Бородина 1980 – *Бородина М.А.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Brückner 1927 – *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Вендина 2009 – *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.
- Киселева 2002 – *Kysel'ová N.* Areálové vzájomné vztahy slovanských jazykov centrálnej zóny. *Киселева Н.Б.* Ареальные взаимосвязи славянских языков центральной зоны. Banská Bystrica, 2002.
- Климов 1990 – *Климов Г.А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Мартынов 1983 – *Мартынов В.В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Преображенский – *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Принципы 1976 – Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Skok – *Skok P.* Etimologički rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Т. I–III.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров М.; Л. (СПб.), 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Т. 1–.
- Теньер 1966 – *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкоznания 1966 № 5.
- Трубачев 2003 – *Трубачев О.Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // XIII Международный съезд славистов в Любляне. Доклад пленарного заседания. М., 2003.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
- Черных – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.
- Шапошников 2010 – *Шапошников А.К.* Этимологический словарь русского языка. М., 2010. Т. 1–2.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–. Т. 1–.

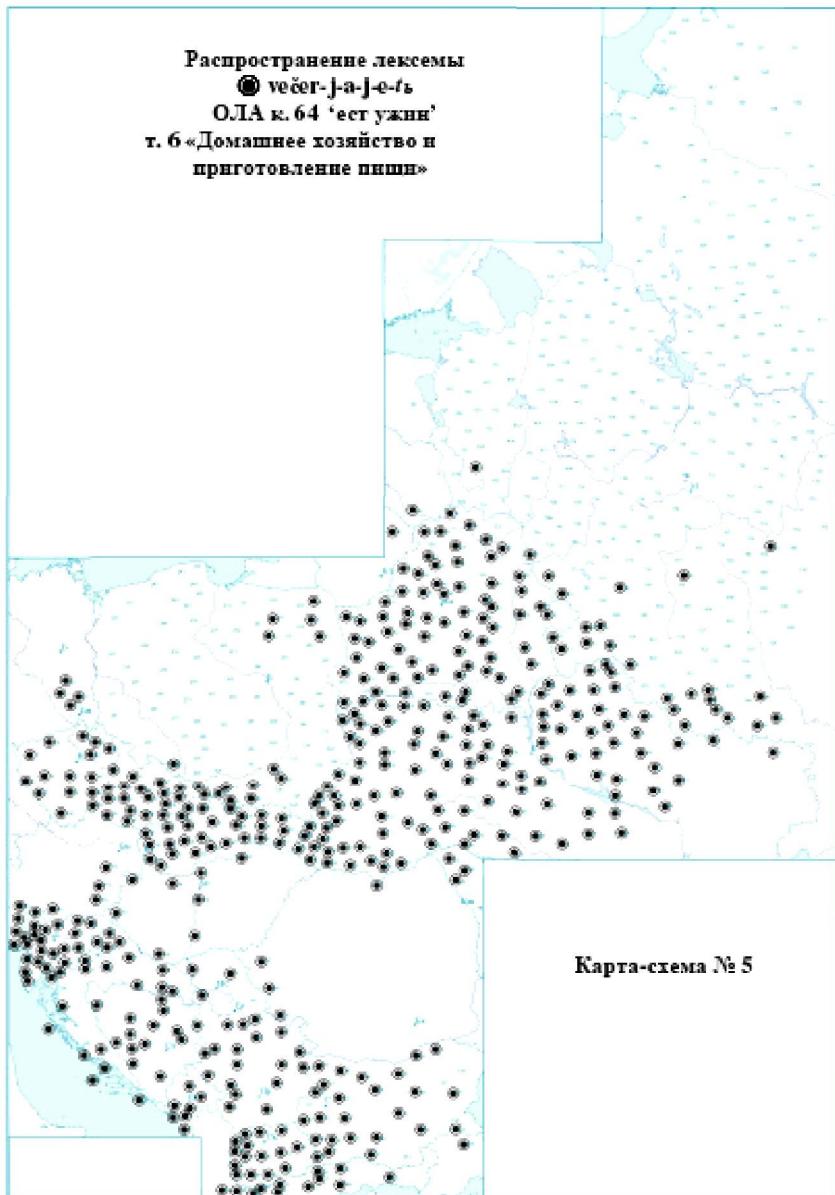

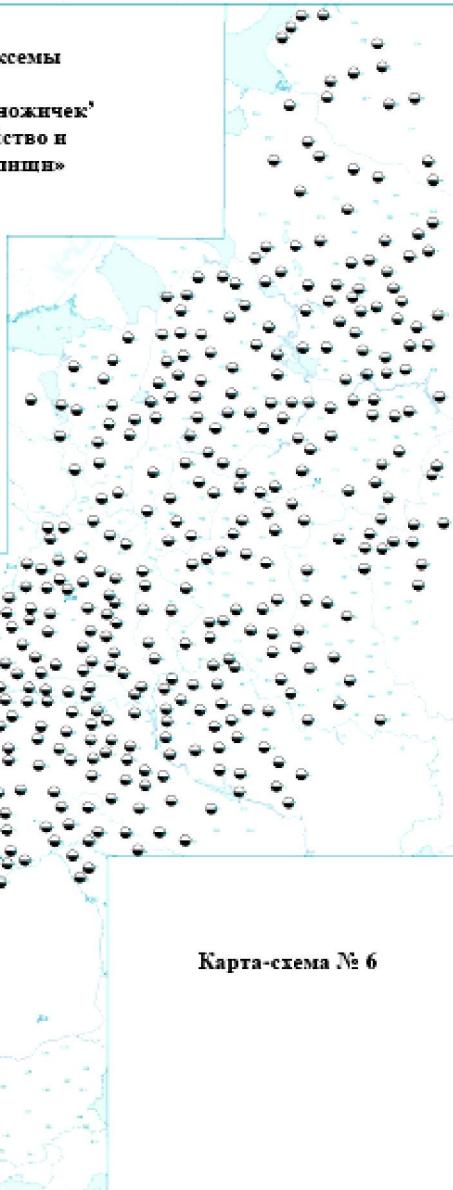

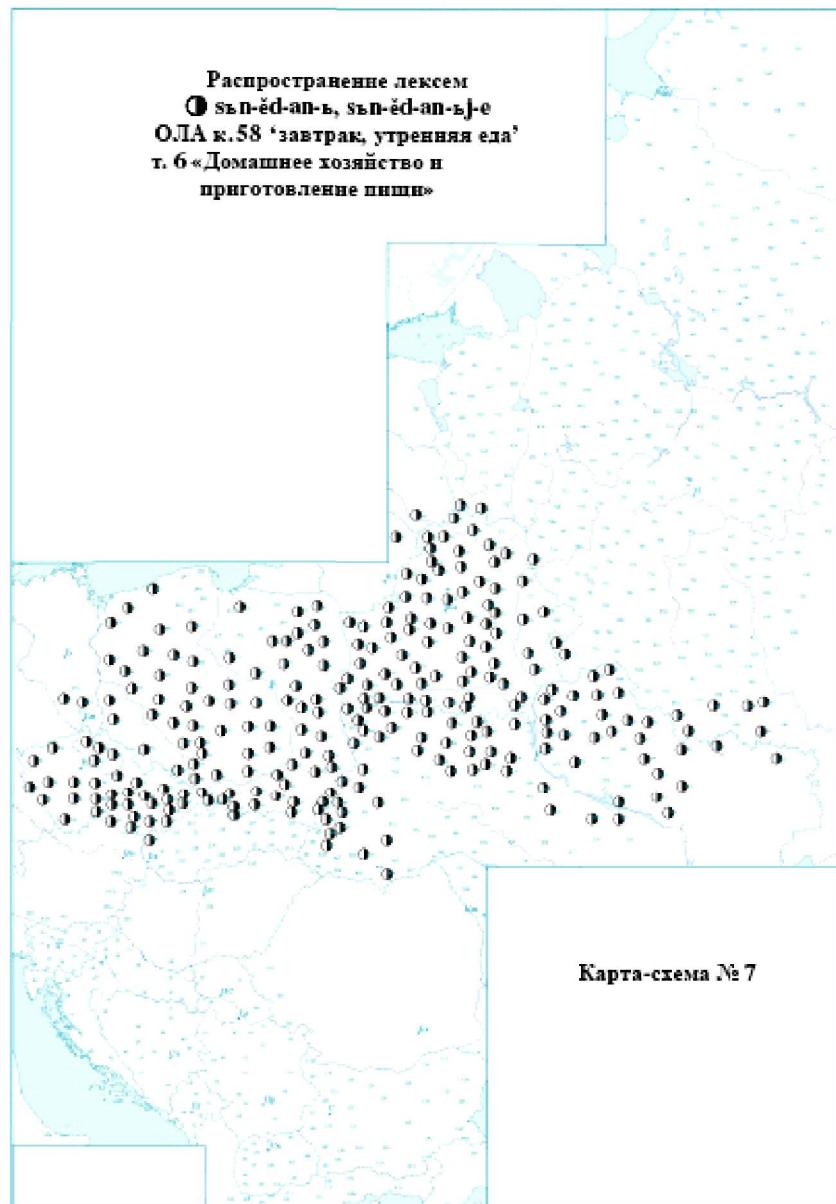

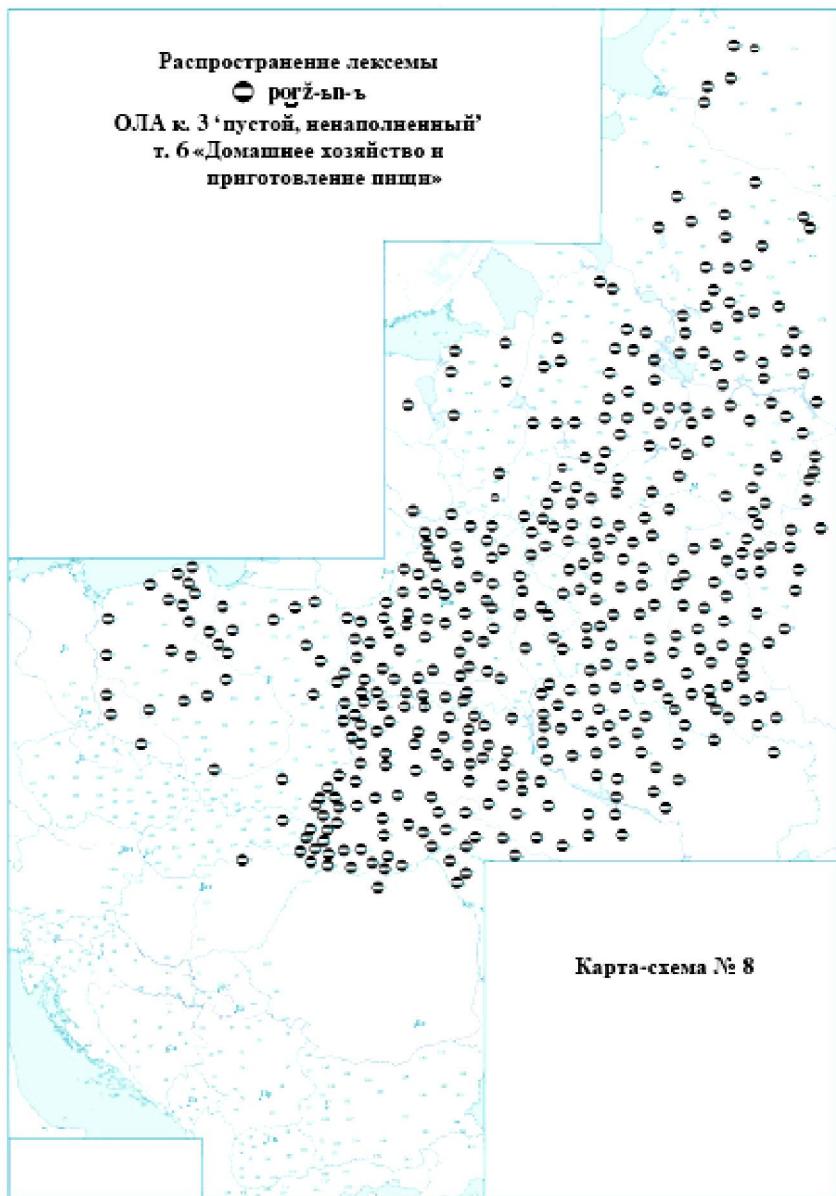
Распространение лексемы
❶ ве́сёл-ја-је-ть
ОЛА к. 64 'ест ужин'
т. 6 «Домашнее хозяйство и
приготовление пищи»

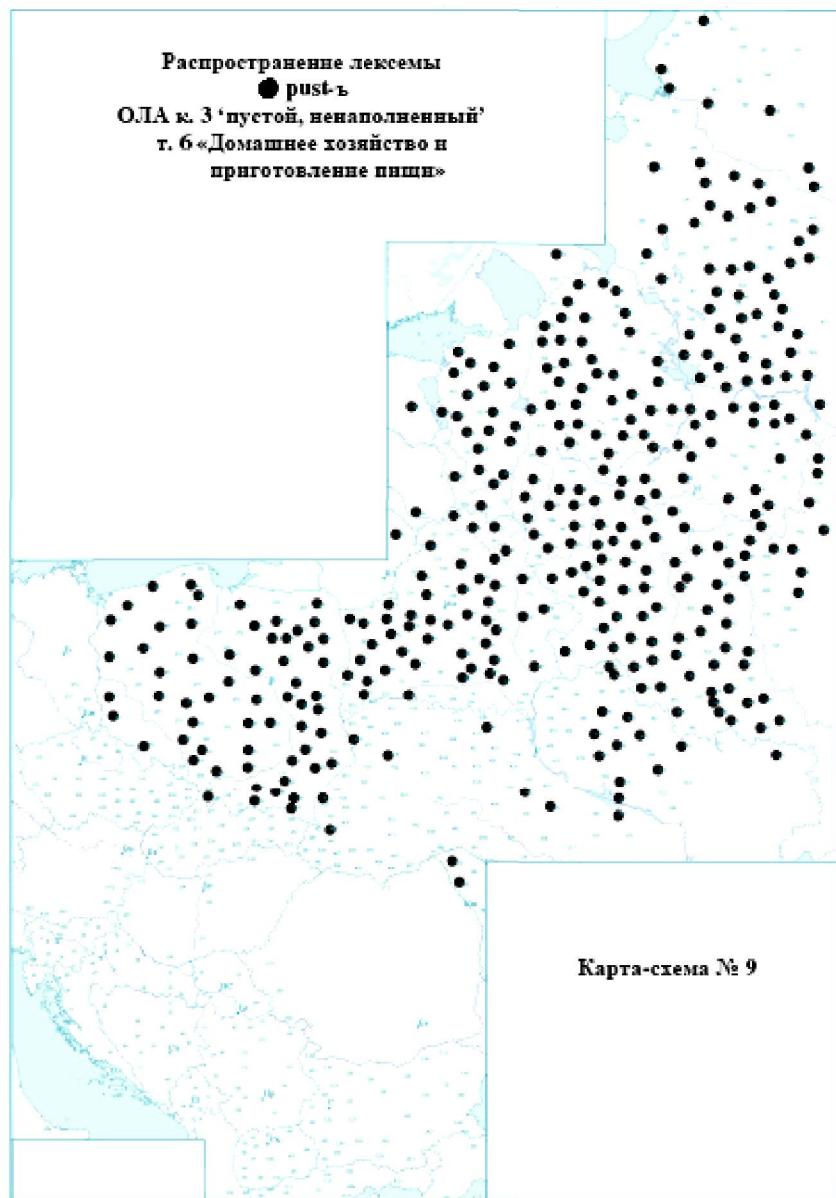

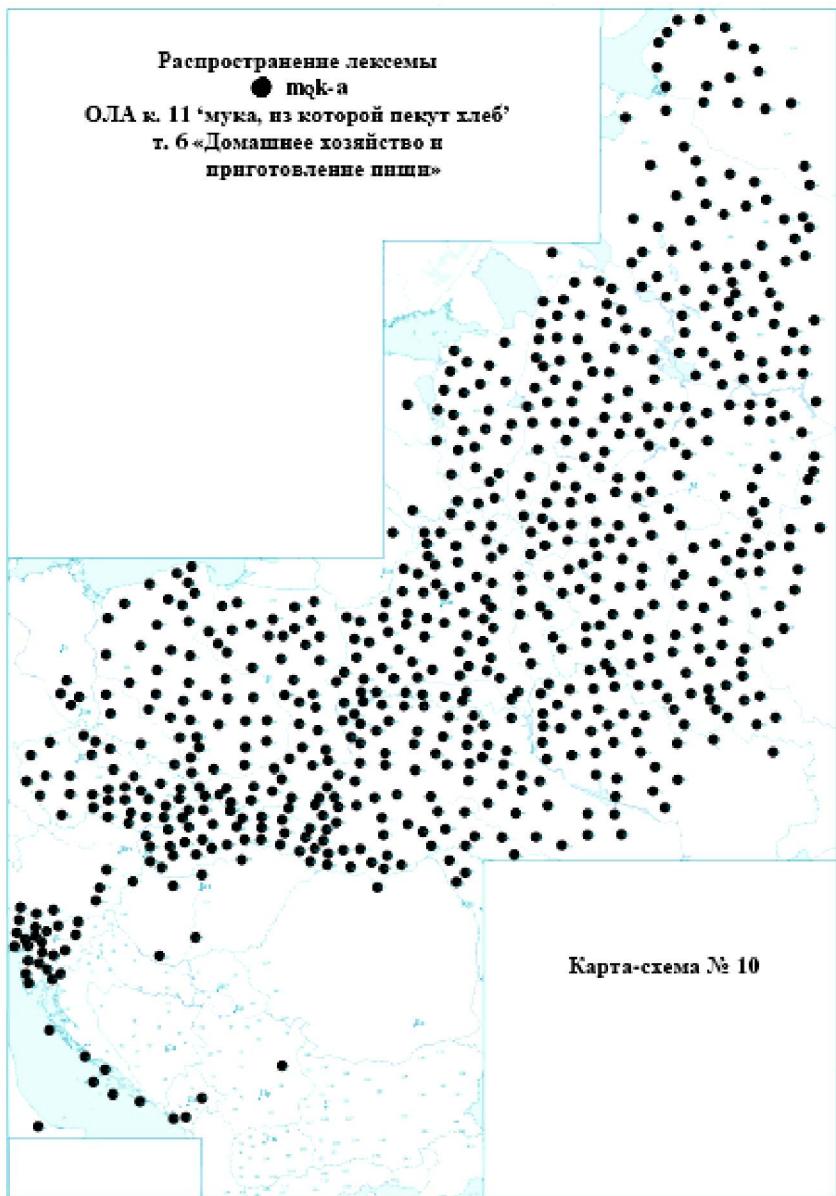
Распространение лексемы
⊗ **по́й-къ**
ОЛА к. 20 *det ‘ножки, ножичек’*
т. 6 «Домашнее хозяйство и
приготовление пищи»

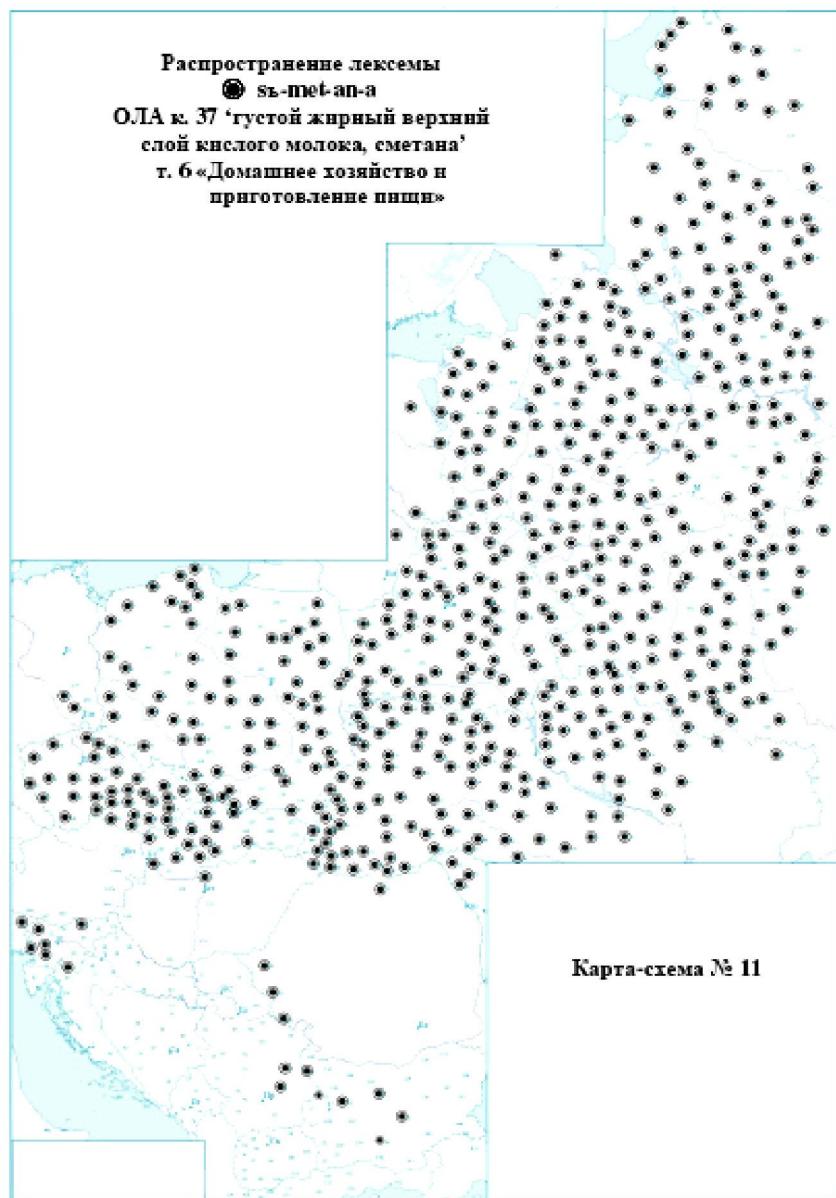

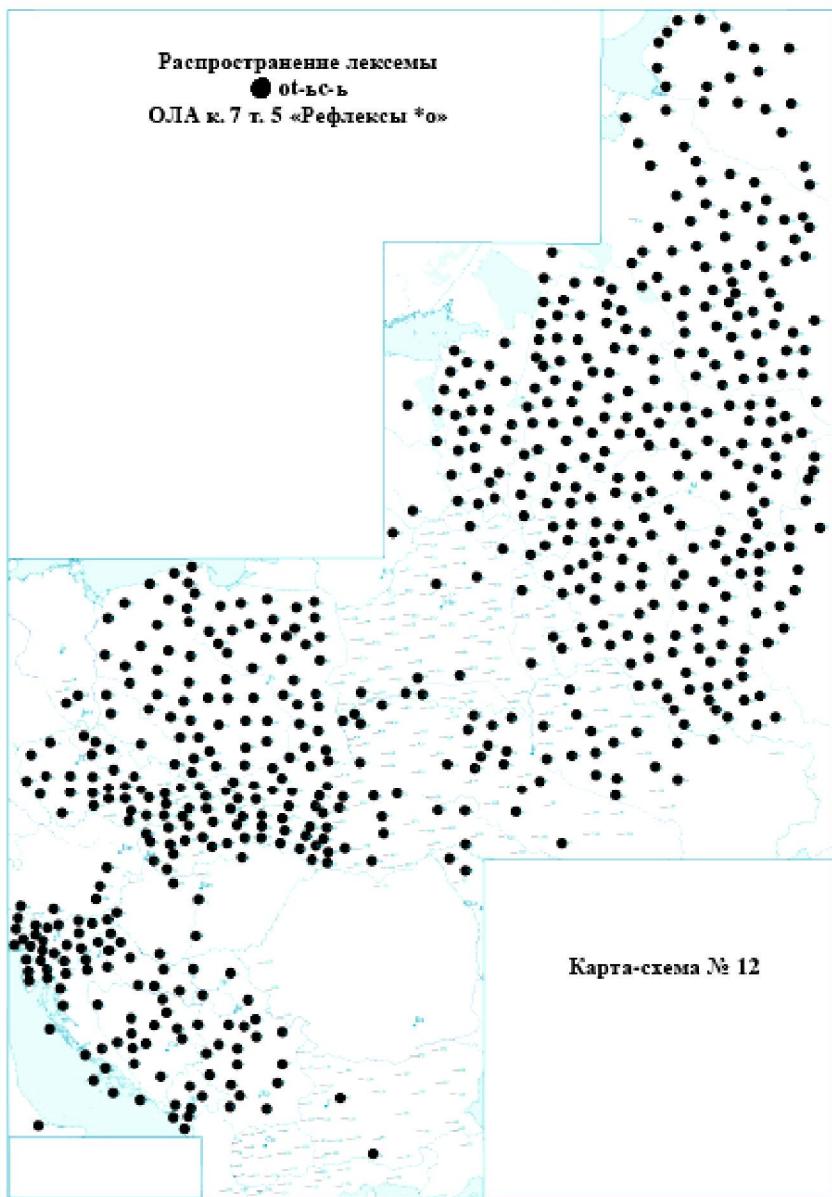

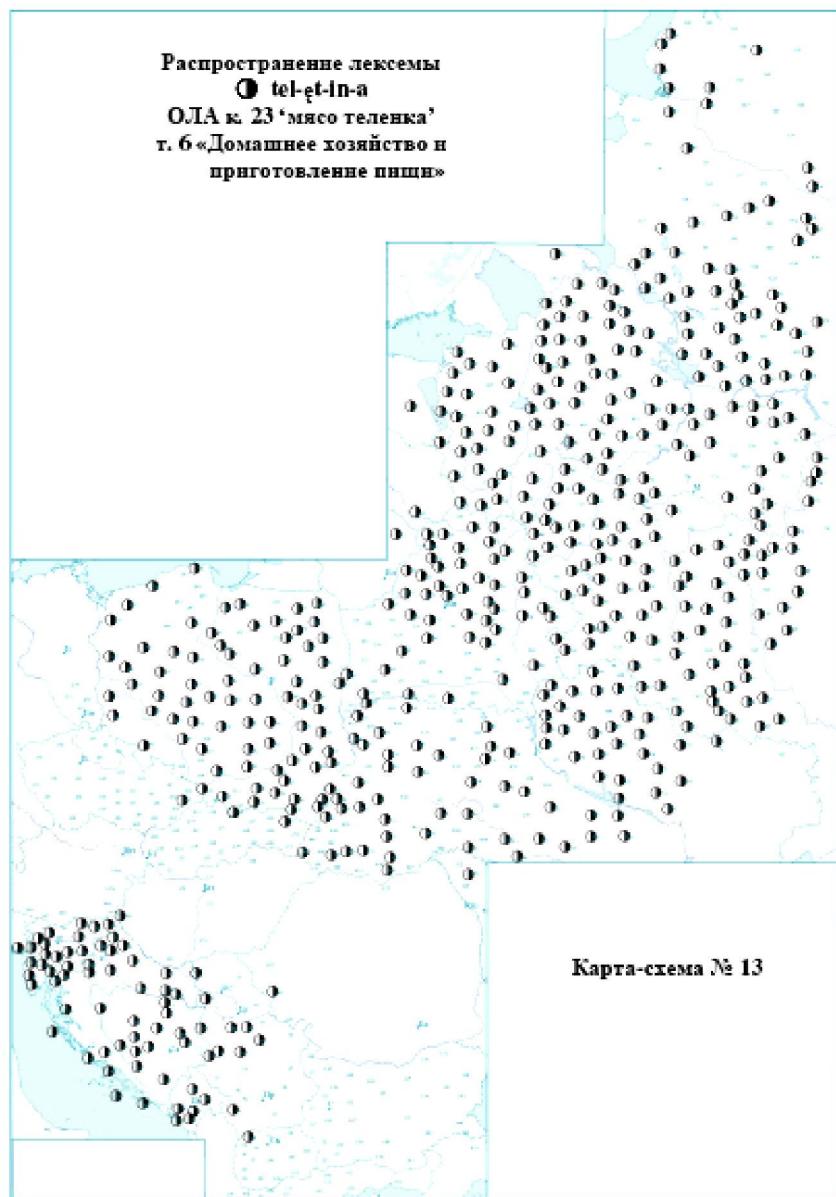

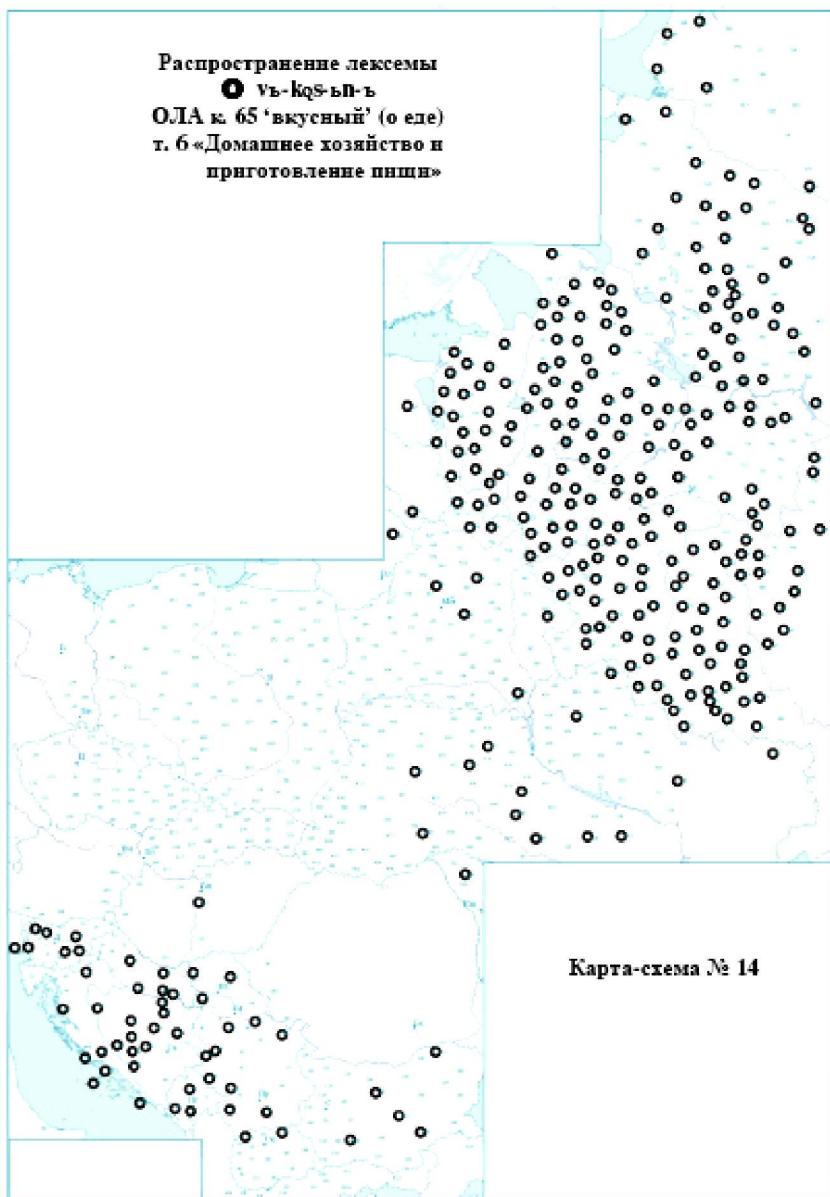

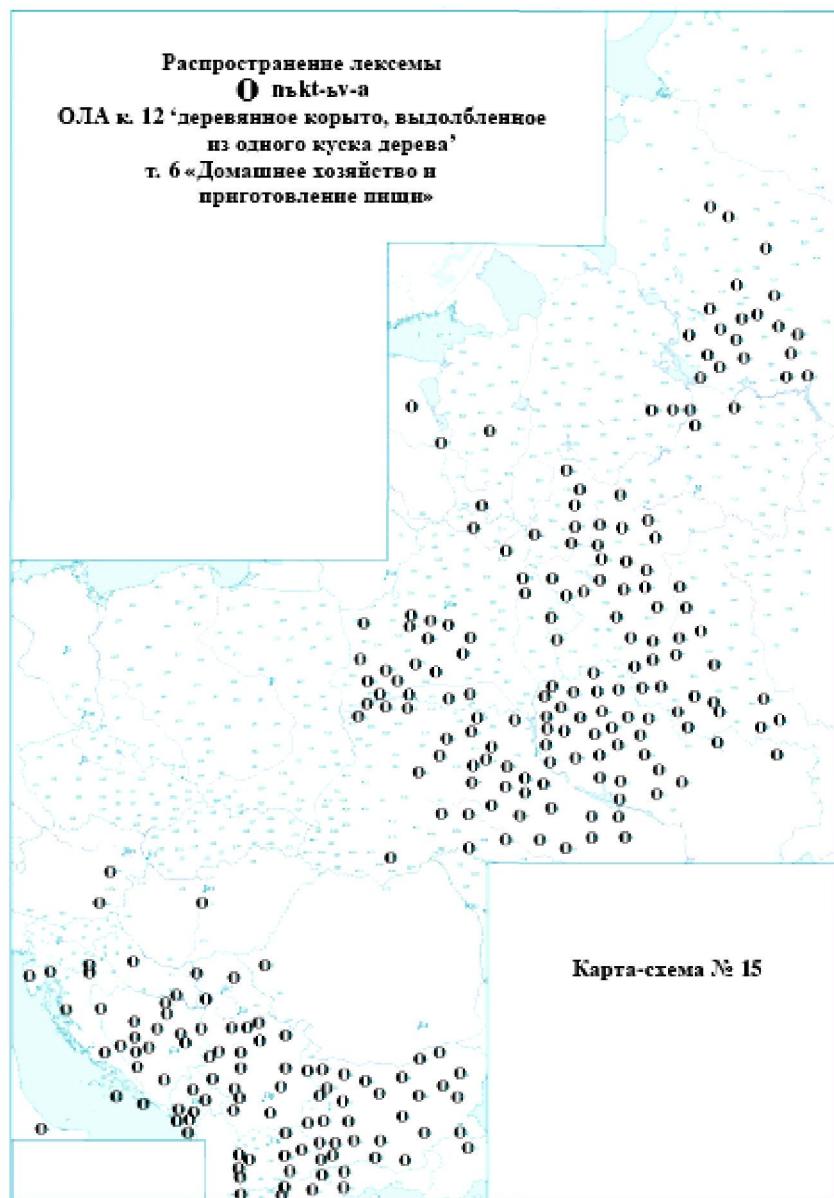
Распространение лексемы
● отъсъ
ОЛА к. 7 т. 5 «Рефлексы *о»

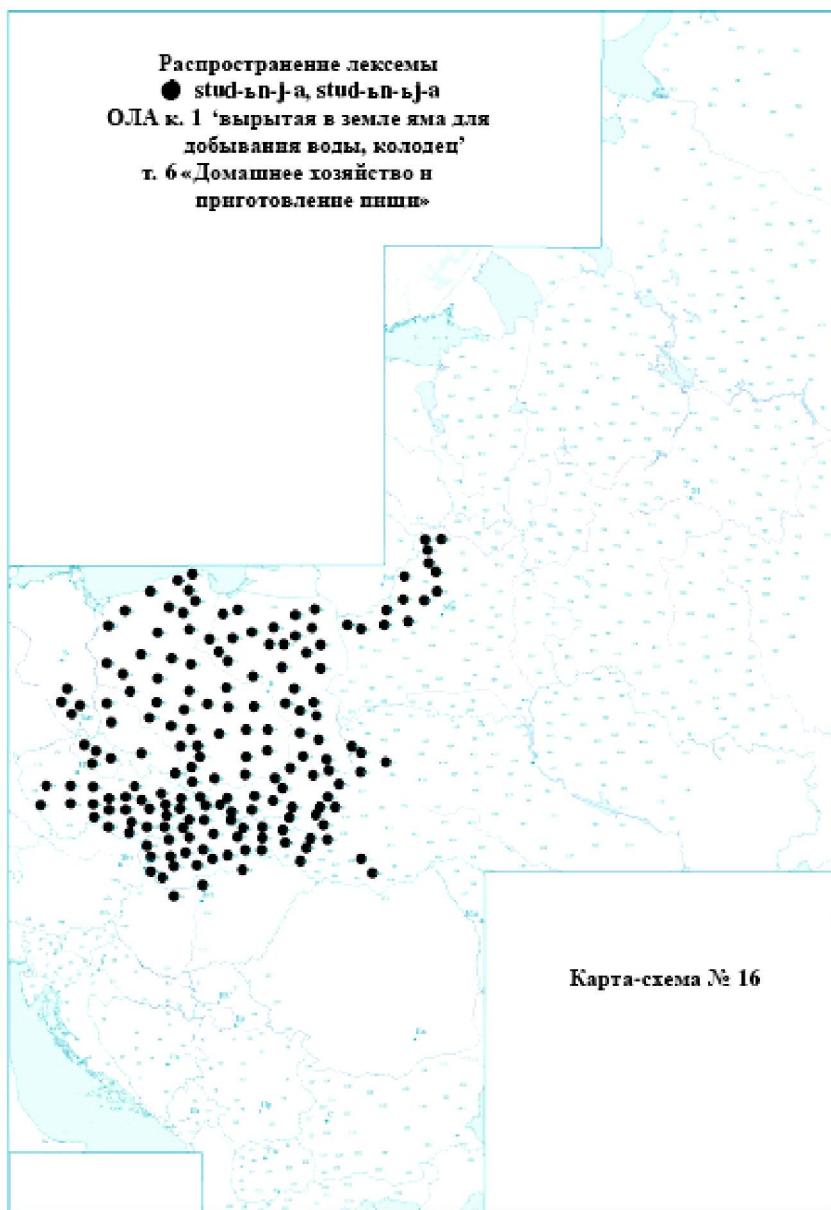

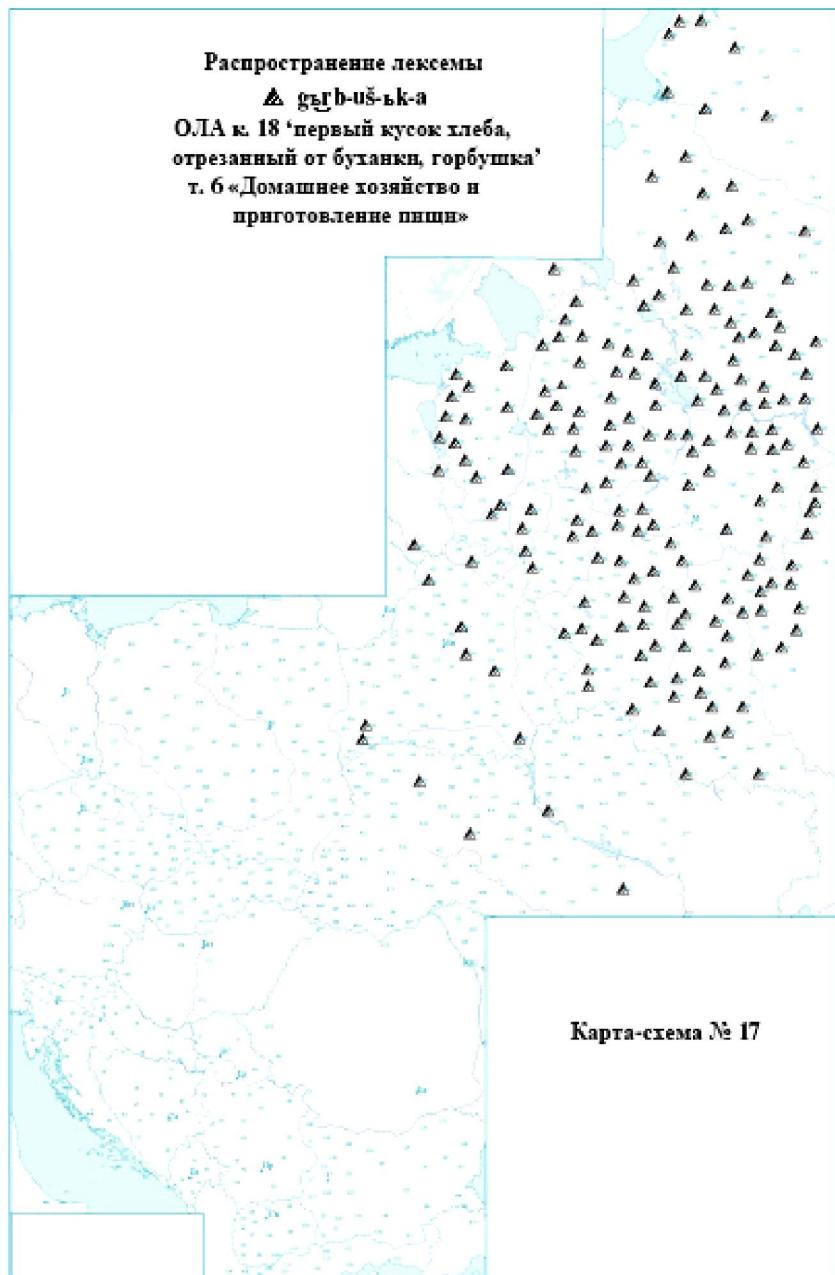
Карта-схема № 12

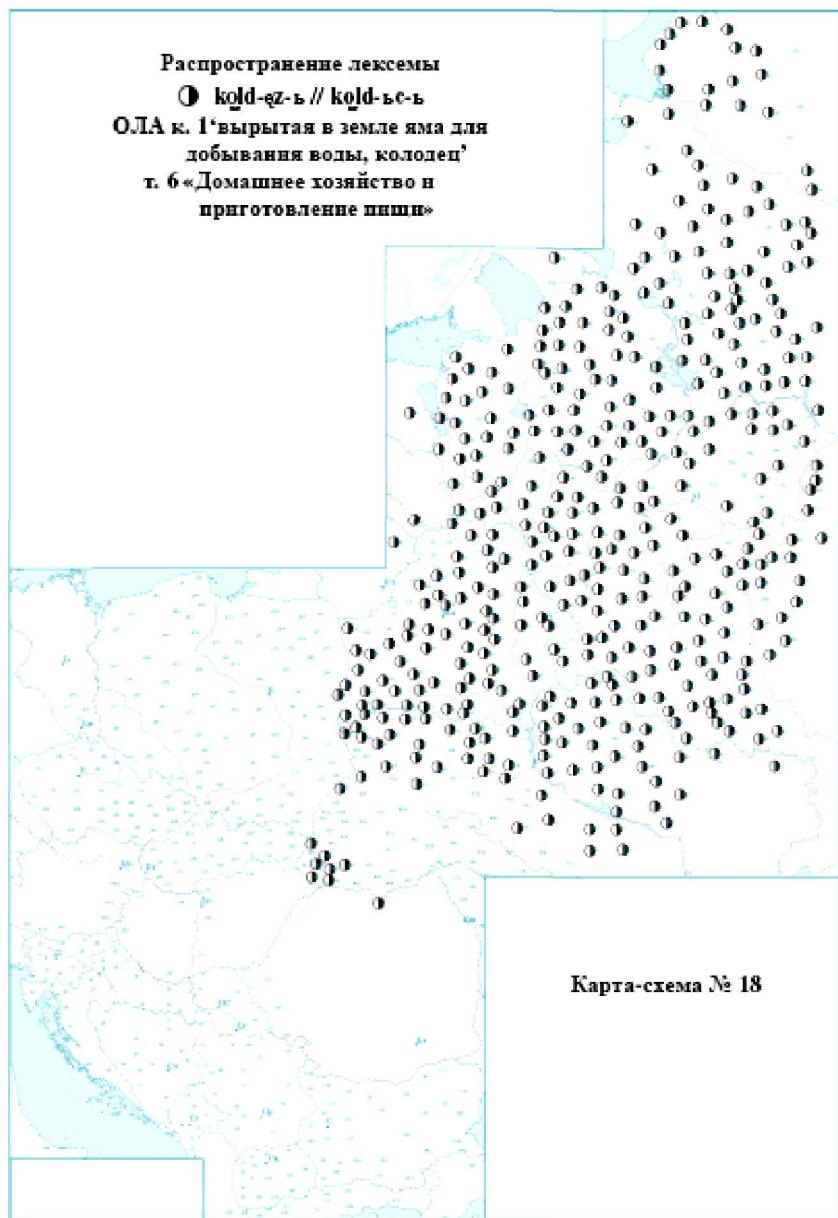

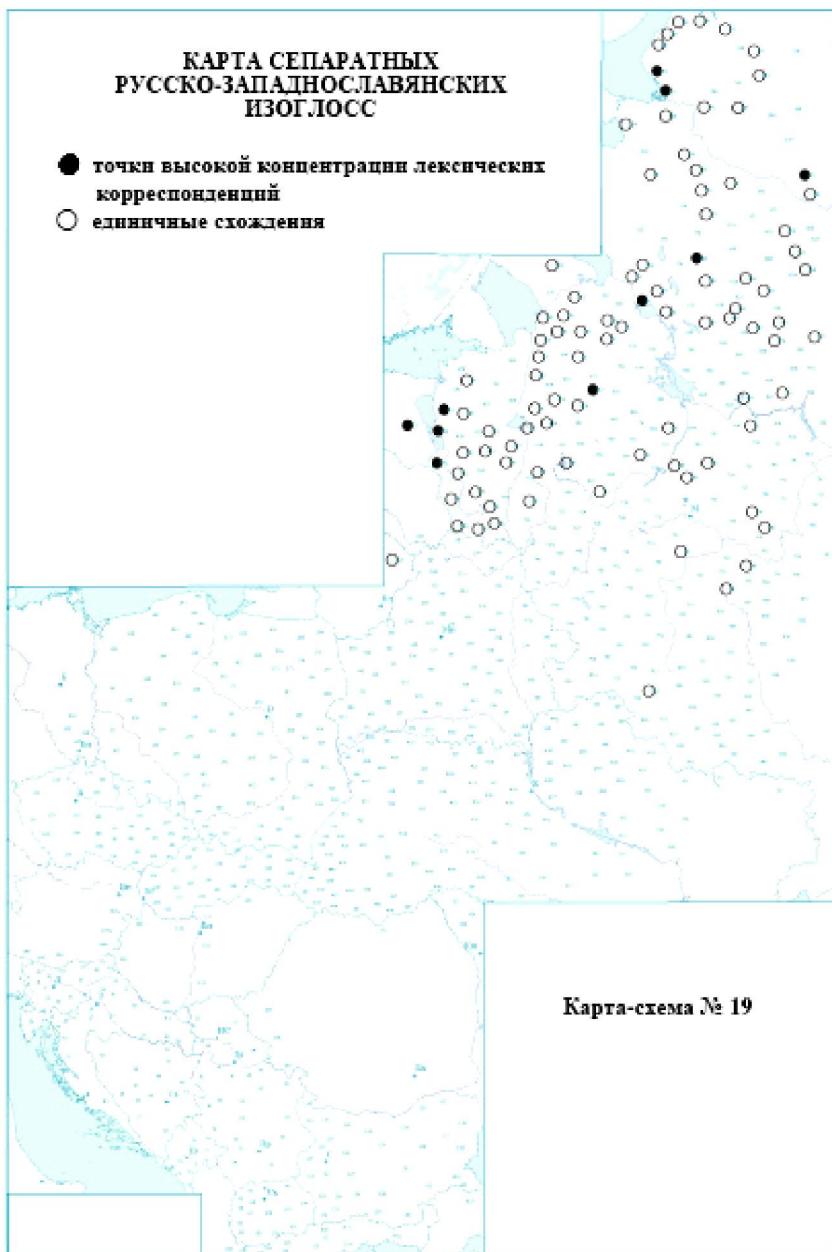

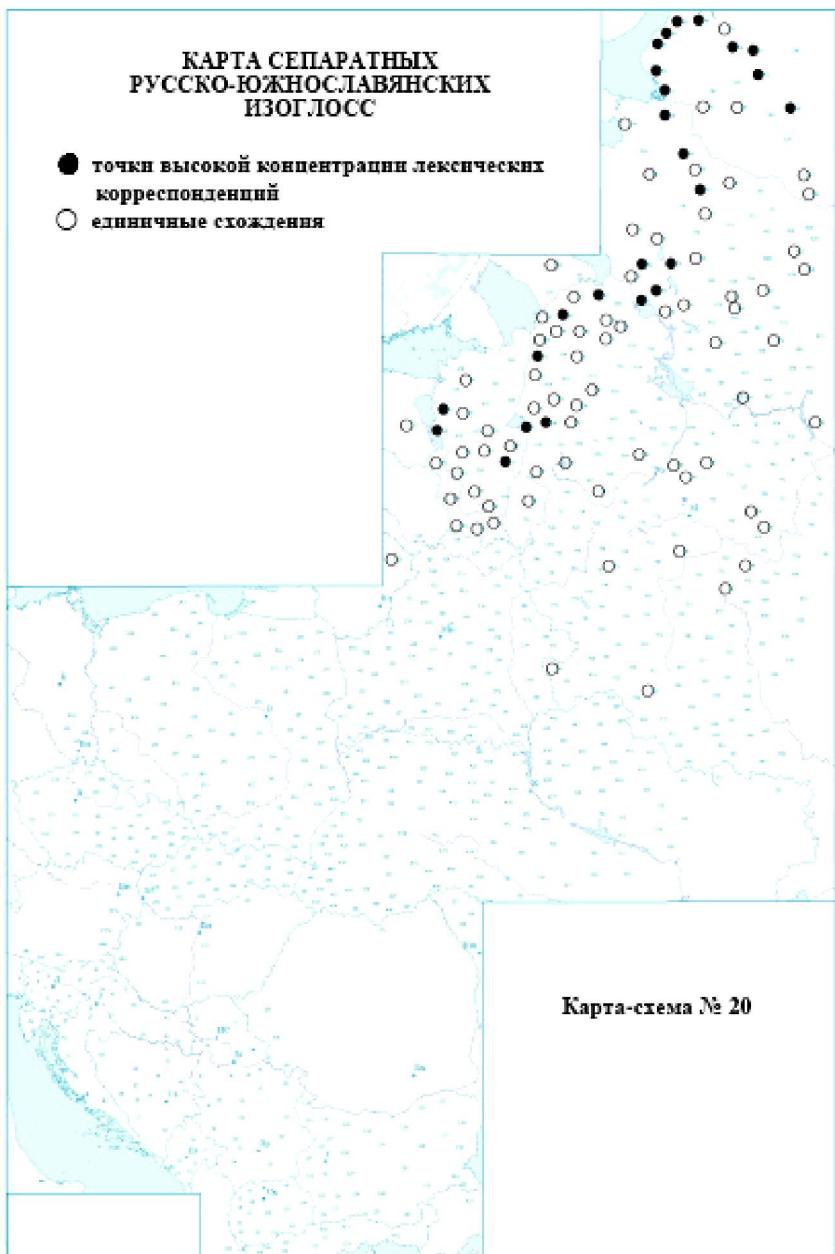

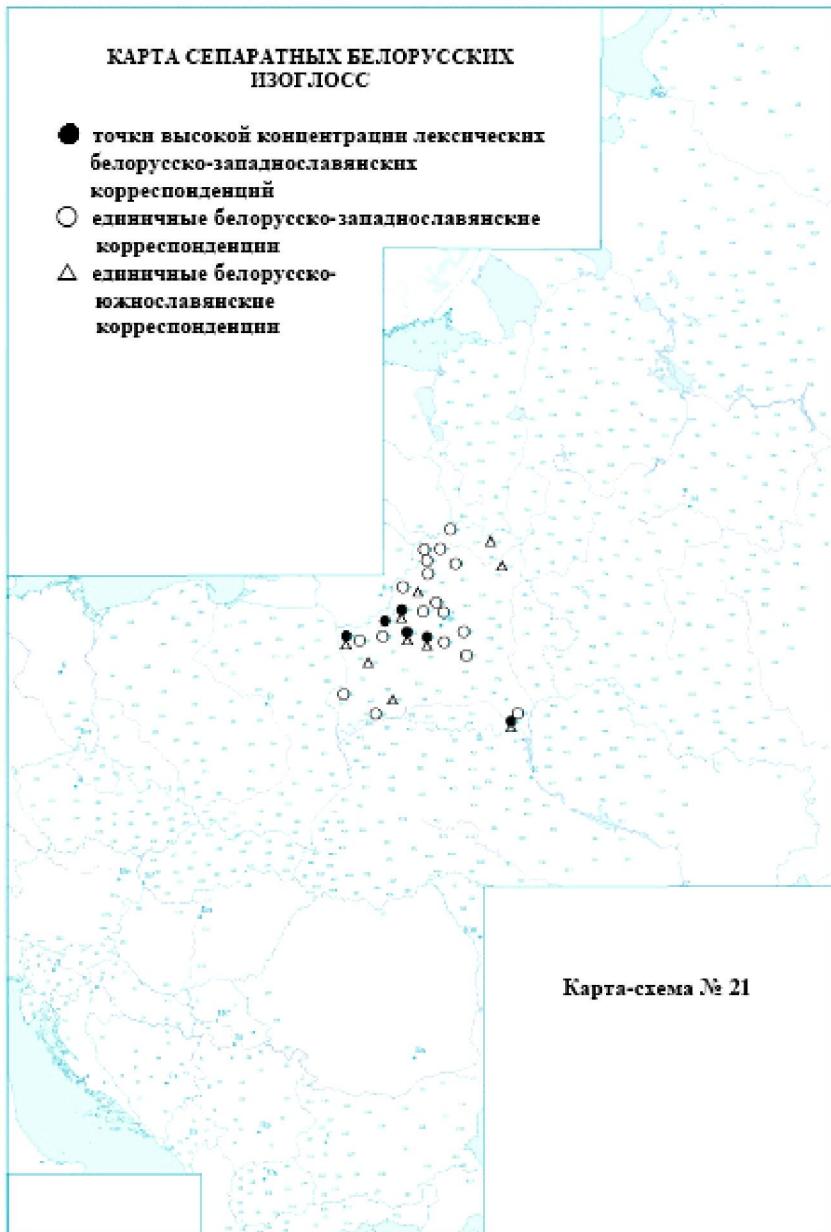

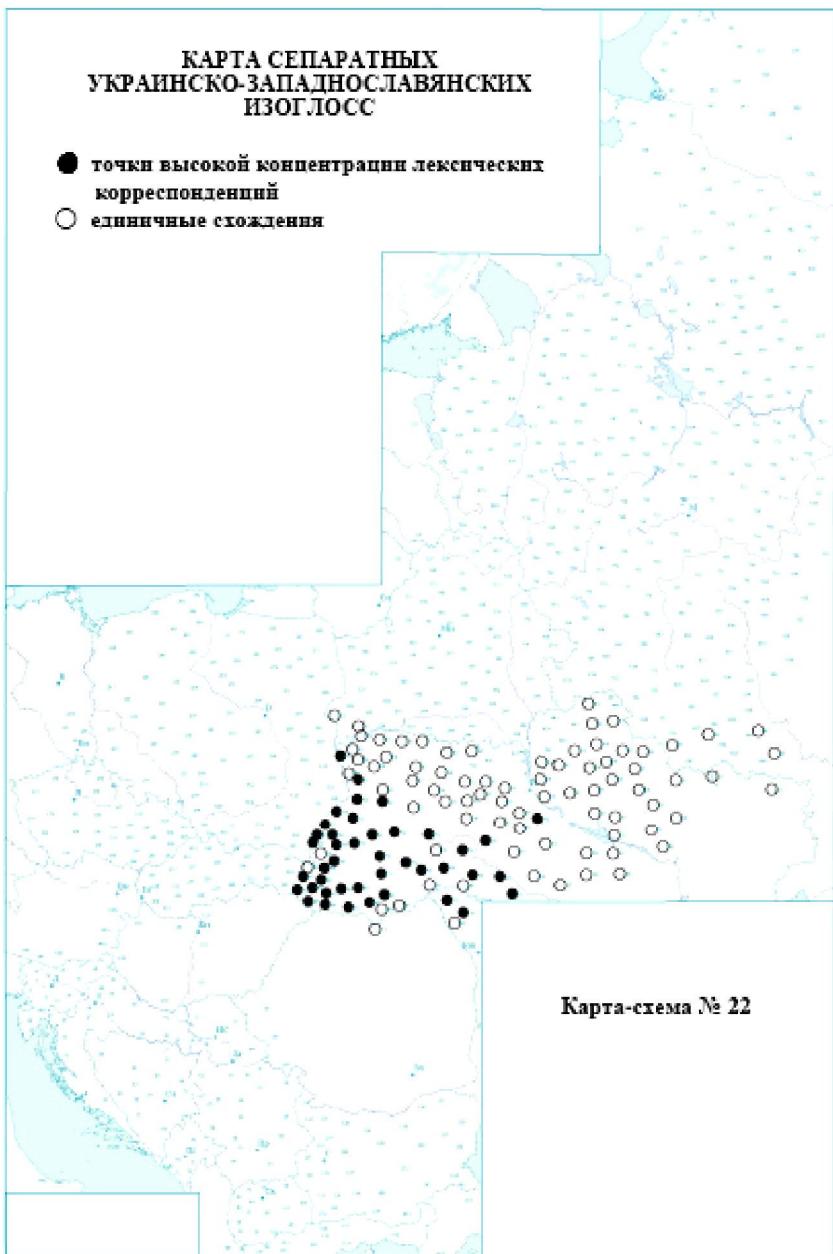
**КАРТА СЕПАРАТНЫХ БЕЛОРУССКИХ
ИЗОГЛОСС**

- точки высокой концентрации лексических белорусско-западнославянских корреспонденций
- единичные белорусско-западнославянские корреспонденции
- △ единичные белорусско-южнославянские корреспонденции

КАРТА СЕПАРАТНЫХ
УКРАИНСКО-ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ
ИЗОГЛОСС

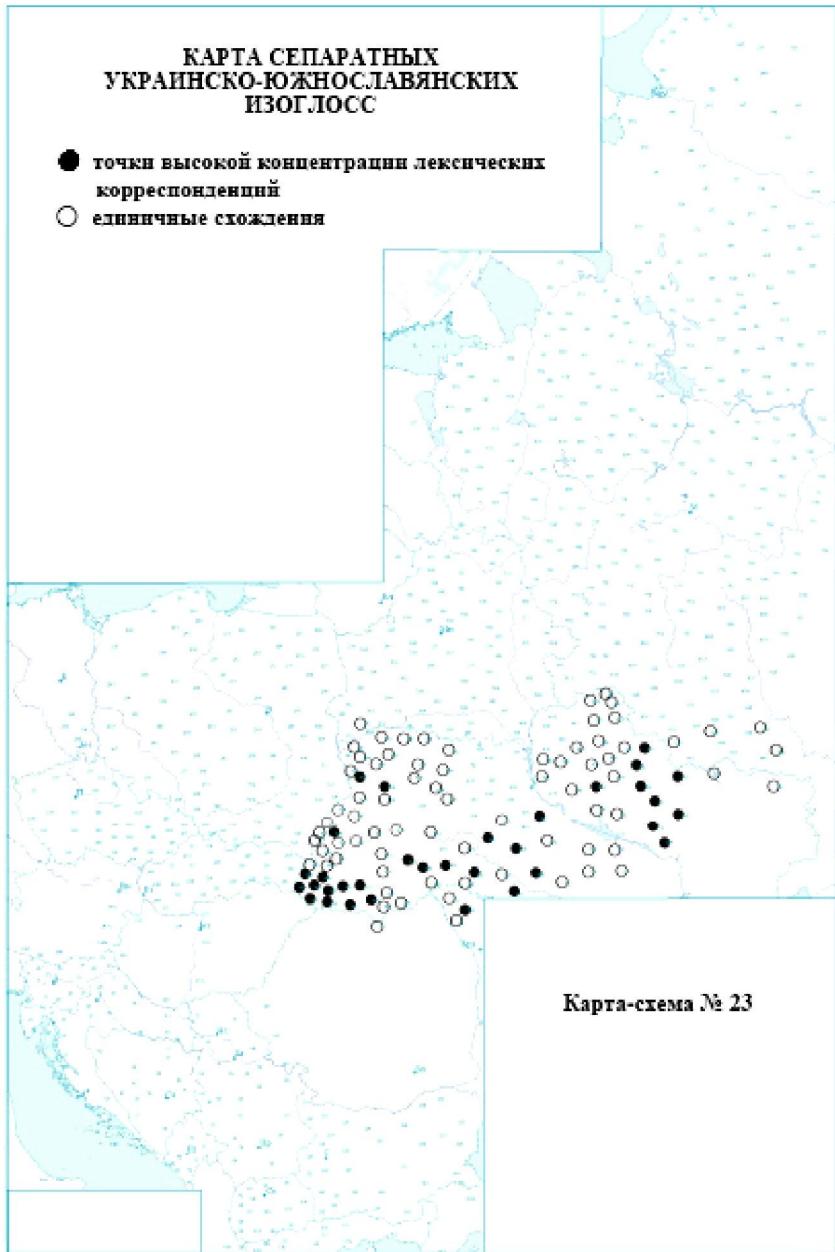
- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 22

КАРТА СЕПАРАТНЫХ УКРАИНСКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ИЗОГЛОСС

- точки высокой концентрации лексических корреспонденций
- единичные схождения

Карта-схема № 23